

Содержание

Артем Трофимов. Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича)	223
Хэн Фу. «Энхиридион» Эпиктета: переводы А. Д. Кантемира и Г. А. Полетики	239
Мария Начинкова. Записки Бориса Райского и роман И. А. Гончарова «Обрыв»	248
Алексей Балакин. Вокруг завещания И. А. Гончарова	264
Мария Асташенкова. Сборник М. В. Крестовской «Уголки театрального мирка» как пример русской театральной прозы 1880-х годов.	288
Анастасия Полумордвинова. Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент»	302
Дмитрий Зайцев. Натуралистический нарратив о неврастении и дегенерации и русский символистский роман: О влиянии сборника А. В. Амфитеатрова «Психопаты» на роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»	320
Андрей Устинов. Мстислав Добужинский и русская кабаре-культура: Антрепризы Бориса Пронина I. «Привал комедиантов» в Петрограде	331
II. «Странствующий энтузиаст» в Москве.	363
Дмитрий Цыганов. От культа Ленина к культу Сталина: Стратегии деперсонализации ленинского образа в некрологической лирике в связи с его вытеснением сталинским quasi-мифом	384
Анастасия Христенко. О природе визуального кода в романе Ю. К. Олеши «Зависть»	404
Максим Щавлинский. «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии.	423
Екатерина Буханова. Судьба текста в романе А. Битова «Преподаватель симметрии»	437
Анастасия Именных. Два варианта романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: К истории публикации	451
Указатель имен	463
Содержание шестнадцатого тома	479

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. С. Пахомова (редактор), А. Ю. Балакин,
Е. А. Глуховская, О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ISSN 2587-8190

2020 XVI (3-4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2020 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020

© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Artyom Trofimov. Composition features of the panegyrics in honour of the Victory at Poltava (based on Stefan Yavorsky's and Feofan Prokopovich's works)	223
Heng Fu. <i>Enchiridion</i> of Epictetus: Translations of Antiochus Cantemir and Grigorij Poletika	239
Mariia Nachinkova. Boris Rayskiy's sketches and Ivan Goncharov's novel <i>The Precipice</i>	248
Alexey Balakin. Notes on Ivan Goncharov's Testament.	264
Mariya Astashenkova. M. Krestovskaya's digest <i>Corners of the Theatrical World</i> as an example of Russian theatrical prose of the 1880's.	288
Anastasia Polumordvinova. Love as a game, love as a fate and love as a death in Valery Bryusov's lyrical novel <i>Decadent</i>	302
Dmitry Zaytsev. Naturalist narrative about neurasthenia and degeneration and the Russian symbolist novel: Influence of the A. V. Amfiteatrov's collection <i>Psychopaths</i> on Fyodor Sologub's novel <i>The Petty Demon</i> . . .	320
Andrei Ustinov. Mstislav Dobuzhinsky and the Russian Cabaret Culture I. <i>The Comedians' Camp</i> in Petrograd	331
II. <i>The Peripatetic Enthusiast</i> in Moscow	363
Dmitry Tsyganov. From the «Lenin» cult to the «Stalin» cult: Strategies of depersonificating the image of Lenin in obituary poetry due to its later elimination by the Stalin quasi-myth	384
Anastasiia Khristenko. The nature of the visual code in Yury Olesha's novel <i>Envy</i>	404
Maxim Shavlinsky. <i>The Life of Arseniev and The Life of Bunin</i> as a way of deliberate speculate on biography	423
Ekaterina Bukhanova. The fate of the text in Andrey Bitov's novel <i>The Teacher of Symmetry</i>	437
Anastasiia Imennykh. Two versions of Victor Astafiev's novel <i>Damned and Killed</i> : Notes on the publication history.	451
Index	463
Content of the volume	479

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АНДРЕЙ УСТИНОВ
(Сан Франциско)

МСТИСЛАВ ДОБУЖИНСКИЙ И РУССКАЯ КАБАРЕТНАЯ КУЛЬТУРА: АНТРЕПРИЗЫ БОРИСА ПРОНИНА

Настоящая работа посвящена художественной и сценографической деятельности Мстислава Добужинского (1875–1957) в двух кабарежных антрепризах Бориса Пронина (1875–1946): «Привале комедиантов» в Петрограде и «Странствующем энтузиасте» в Москве. Особенное внимание уделяется творческим взаимоотношениям Добужинского с известными петроградскими литераторами, художниками и режиссерами-постановщиками — Михаилом Кузминым, Анатолием Луначарским, Петром Сазоновым, Юлией Слонимской-Сазоновой, Петром Потёмкиным, Борисом Романовым, Марком Шагалом. Впервые публикуются дневниковые записи Добужинского и воссоздаются обстоятельства учреждения «Странствующего энтузиаста» — последнего кабаре Пронина.

Ключевые слова: Мстислав Добужинский, Борис Пронин, история русского театра, история русского кабаре, литературный быт, художественная среда, культурная история Петрограда, «Привал комедиантов», культурная история Москвы, «Странствующий энтузиаст».

Информация об авторе: Андрей Устинов, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Аквилон». Сан Франциско, США.

E-mail: abooks@gmail.com

Mstislav Dobuzhinsky and the Russian Cabaret Culture

This essay relates Mstislav Dobuzhinsky's artistic and production involvement with two of Boris Pronin's cabaret theatres, *The Comedians' Camp* and *The Peripatetic Enthusiast*. The author scrutinizes Dobuzhinsky's creative relationships with prominent playwrights, artists, set designers and stage directors, Mikhail Kuzmin, Anatolii Lunacharsky, Piotr Sazonov, Yuliia Slonimskaya-Sazonova, Piotr Potemkin, Boris Romanov, and Marc Chagall. The artist's diaries of 1919 are published here for the first time. The author also reconstructs history of *The Peripatetic Enthusiast*, the last Pronin's cabaret.

Keywords: History of Russian theater, History of Russian cabaret, literary environment, artistic environment, Cultural history

of Petrograd, Mstislav Dobuzhinsky, Cultural history of Moscow, Boris Pronin, „The Comedians’ Camp,“ „The Peripatetic Enthusiast.“

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of „Aquilon Books.“ San Francisco, USA.

E-mail: abooks@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2020-3-4-331-383

I. «ПРИВАЛ КОМЕДИАНТОВ» В ПЕТРОГРАДЕ

Роману Тименчику

Лучше жить на mine, чем в доме Адамини.

Городская поговорка

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

Анна Ахматова

Участие Мстислава Добужинского в деятельности «Привала комедиантов» прослеживается по филигранно воссозданной хронике «трудов и дней» этого «театра подземных классиков», как он иногда именовался.¹ Будучи избран в Художественный совет, Добужинский был связан с *Привалом комедиантов* вплоть до его закрытия.² По условиям времени последний театральный сезон осени 1918 — весны 1919 года не походил на предшествующие: его особенностью, как заметил Роман Тименчик, было всепоглощающее «нервное веселье»:

¹ *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 96–154. «Театр подземных классиков» — излюбленная формулировка режиссера и критика Владимира Соловьева, неизменно уделявшего внимание программам *Привала* в своих регулярных обзорах петроградской театральной жизни для журнала «Аполлон» (*Соловьев Вл.* 1) Петроградские театры // Аполлон. 1916. № 8 (октябрь). С. 58; 2) Петроградские театры // Там же. 1916. № 9–10 (ноябрь–декабрь). С. 93; 3) Петроградские театры за последние сезоны // Там же. 1917. № 2–3 (февраль–март). С. 78).

² См., например в объявлении об открытии «Привала Комедиантов» 2 ноября 1918 года: «Художественный совет: К. Э. Гишман, М. В. Добужинский, К. К. Тверской, Н. Н. Евреинов, Б. К. Пронин, Б. Г. Романов, С. Ю. Судейкин, В. А. Щуко» (Жизнь Искусства. 1918. № 5. 2 ноября. С. 8).

Ночные встречи людей искусства в голодном городе были пронизаны каким-то нервным весельем — одним из документов, относящихся к этим подвальному бдениям, остался «гороскоп», составленный Луначарским по линиям рук Добужинского в ночь на 4 марта на капустнике в «Привале»: «Много линий таланта, „типично для дилетанта“, на [одн<ой>] левой ладони — ни одной преобладающей — показывают разносторонность способностей. Но на правой руке резко выражена одна преобладающая, показывающая, что выбран один, определенный путь в искусстве. Можно сказать, что сторона „идейная“, сторона „содержания“, вообще интеллект, [преобладает] доминирует в творчестве».¹

«Определенно выражена наличность *воли*, которая подчинена интеллекту (суставы больш<ого> пальца, ногти), — записывал Добужинский предсказания Луначарского, — есть склонность к *педантизму* и наличность *хитрости* (?), ясно *честолюбие*. Линии показывают „богатую“ жизнь (богатство впечатлений и деятельности). *Линия жизни* [тоже указ<ывает>] ведет к позитивизму, но с склонностью к *мистицизму*. Характерно соединение „Венеры и Меркурия“, *эротичность* натуры и мужественность. Способность к необыкновенно пылкой и восторженной любви».²

Главное отличие *Привала комедиантов* от его предшественника — артистического кабаре «Подвал Бродячей собаки» — заключалось в том, что он «возник во время Мировой войны».³ Его вдохновитель и создатель Борис Пронин указывал также на иную художественную установку своего очередного начинания: «Это был уже не кабачок, а скорее подземный театр, где были регулярные постановки и программы. „Собака“ же базировалась на экспромтах. В „Привале“ выступали Мейерхольд, Щуко, Добужинский, Бенуа — сливки художников».⁴

¹ *Тименчик Р. Д.* Добужинский в Риге // Даугава. 1988. № 8. С. 116.

² Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka. Retų knygų ir rankraščių skyrius. F. 30 (Kolekcijos Mstislavas Dobužinskis). Apr. 1. Nr. 2274, lapas 2; далее везде — LNB, с указанием описи и единицы хранения.

³ *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 97.

⁴ Там же.

«Мой Гороскоп!»

2

Составлен А. В. Луначарским
по линиям моих рук
в ночь на 4 марта
1919 г.
в „Привале Комедиантов“.

Много линий в ладони, типично для интеллигентов —
на две линии ладони — тонкая предплечья —
поглавление разграничивает способности по
на предплечьях видно выражена одна предплечья,
которыми эти линии образуют одну определенную фигуру
в кармеле. Морские же линии образуют
слова «друзья», «друзья каменити предплечья»
формировать в предплечьях
Выражен выражена картина в воле, которую
подняла каменити (судя по линии ладони, которую
об колонии в предплечьях и каменити предплечья)
всю революцию. Линия поглавит «Богиня» друзья
(Богиня восточной и восточной) линия друзей кафе друзья,
ведет и поглавит, как колонии в предплечьях
чужую
Линия в ладони, «Венера и Меркурия»
друзья друзья и друзья. Способность
в ладони в ладони и восточной ладони
на море в ладони, странное сочетание «Венера и
Венера» («каменити») — линия друзья
долгое предплечья друзья. Одна определенная
линия, как бы в ладони в ладони друзья
друзья. Мировые способности друзья в ладони
и в ладони друзья друзья друзья

«Мой Гороскоп! Составлен А. В. Луначарским по линиям моих рук
в ночь на 4 марта 1919 года в „Привале Комедиантов“.
Автограф М. Добужинского (LNB).

Художественная деятельность Добужинского в антрепризе Пронина тоже была отмечена преемственностью. Он исполнил эмблему *Привала комедиантов*, вслед за созданной им в сентябре 1912 года «собачьей» маркой,¹ и приготовил эскиз обложки для «оригинального еженедельника» под названием «Листки Привала Комедиантов», издание которого не осуществилось.²

Однако основные усилия художника были сосредоточены на театральных постановках. Первая из них была перенесена на сцену *Привала комедиантов* из «Кукольного театра» Петра Сазонова и Юлии Слонимской-Сазоновой. Активный участник культурной жизни тех лет критик и историк литературы Константин Мочульский³ вспоминал дебютный спектакль этого первого кукольного театра в Петрограде:

Русские театралы хорошо помнят о спектаклях театра марионеток Ю. Л. Слонимской-Сазоновой в Петербурге в 1916 году. В особняке Гауша на Английской набережной ставилась старинная французская интермедия «Силы любви и волшебства». Деревянные актеры с необыкновенным искусством разыгрывали эту галантную феерию. Страшный маг Зороастр, влюбленный в томную пастушку, показывал ей чудеса магии; чудища, черти, рыцари и танцоры бегали, скакали и плясали; на маленькой сцене пастушки жеманно прогуливались среди боскетов, богини спускались с неба на пышных колесницах. Это было зрелище полное выразительного движения, острой динамики и очаровательного изящества. С помощью художников Калмакова и Добужинского, Ю. Л. Сазоновой удалось воскресить старую почтенную традицию кукольного театра: тогда, помнится, все поверили, что марионетки — не эстетическая причуда, а подлинное театральное искусство со своей очень сложной и точной техникой, с огромными возможностями сценической выразительности.⁴

¹ Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 249; см. ее изображение на повестках «Бродячей собаки» (с. 168, 176 и др.).

² Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 122–123.

³ См., например, его статью: Мочульский К. Техника комического у Гоцци // Любовь к трем апельсинам: Журнал Доктора Дапертутто. 1916. Кн. 2–3 (весенняя и летняя). С. 83–106.

⁴ К. В. <К. Мочульский> «Театр маленьких деревянных комедиантов» // Звено (Париж). 1924. № 99. 22 декабря. С. 3.

М. Добужинский. Марка Кукольного Театра. 1916.

Для этой постановки Добужинский исполнил портал, то есть рамку актерского пространства кукол-марионеток, а также сделал эскиз куклы Маркизы из «Пролога».¹ Остальные

¹ Рассказывая о «Кукольном театре», Ю. Сазонова вспоминала «петербургских поэтов и художников: С. Маковского, давшего нашим куклам приют в редакции „Аполлона“, живописца <А.> Гауша, предоставившего для их спектаклей свой особняк, <Н.> Гумилева, написавшего для них драматическую поэму „Дитя Аллаха“, Георгия Иванова, сочинившего для их волшебной пьесы стихи „Все образует в жизни круг“, Тамару Карсавину, ведавшую их танцами, и <М.> Неслуховскую, ставившую их менуэт, М. Добужинского, расписавшего для них портал передвижного театрлика и создавшего восхитительную куколку „Пролога“ <...>. От этого былого домашнего театрлика, исчезнувшего из наших глаз вместе с Петербургом, оставался у меня в Париже лишь рисунок портала Добужинского, да на камине два „беженца“ в порванных платьях, с польсевшими паричками, — символ нас самих в беженстве...» (Сазонова Ю. Письма Райнер <а> Мариа Рильке // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1943. Кн. 5. С. 288).

эскизы «кукольной труппы» принадлежали художнику-декоратору Николаю Калмакову.¹ «На Охте отыскался резчик винограда и фруктов для иконостасов, — вспоминал Сазонов, — человек полуграмотный, но необычайно талантливый. Он с увлечением взялся за дело и резал прямо с эскизов Калмакова, которые ему очень нравились. Первые же головки привели Добужинского и Калмакова в совершенное восхищение».²

Театральный обозреватель журнала студии Всеволода Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» был, однако, не в восторге от увиденного спектакля, и в том числе высказал претензии к «крашеному порталу» работы Добужинского:

В Петрограде наконец открылся давно ожидавшийся *Кукольный театр*. Первое представление состоялось 15 февраля в квартире художника А. Ф. Гауша на Английской набережной. Был представлен комический дивертисмент «Силы любви и волшебства». Портал театра по эскизу М. Добужинского. Куклы, их костюмы и декорации по эскизам Н. Калмакова (кукла в Прологе по эскизу М. Добужинского). <...> Крашенный портал неуместен в кукольном театре. Надо бы вспомнить прием убранства каруселей. Тряпичный занавес дал бы художнику не меньше наслаждение, чем роспись по холсту. Занавес чистых перемен не мешал бы созерцанию легких движений кукол искусного резчика, подчиненных воле ловких пальцев машинистов, если бы он был заменен какою-нибудь легкой материей (манчестер тяжестью своею раздражал зрителя)...³

Вл. Соловьев, напротив, намеренно отметил «прошедшие с большим успехом первые закрытые спектакли „Кукольного театра“, театра марионеток» в февральском отчете

¹ Ср.: «Он создал эскизы костюмов, которые с ювелирной тщательностью выполнила сестра <Константина> Сомова Анна Сомова-Михайлова; Добужинскому принадлежал эскиз костюма маркизы — Пролога — и росписи портала, а также обложка буклета для спектакля» (*Боулт Дж., Балыбина Ю. Николай Калмаков и лабиринт декадентства. 1873–1955. М., 2008. С. 171*). В этой монографии воспроизведены эскизы костюмов и декораций Калмакова к «Силам любви и волшебства» (с. 172–177).

² *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тищенко Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 119.

³ [Б. н.]. Хроника // *Любовь к трем апельсинам: Журнал Доктора Дапергутто. 1916. Кн. 1. С. 97–98. Ср. напечатанное здесь же (с. 100) заявление студии Вс. Мейерхольда о том, что «в составе студии Вл. Н. Соловьев не состоит».*

Н. Калмаков. Эскиз куклы Мерлина к спектаклю «Силы любви и волшебства». 1915.

о деятельности петроградских театров. «Была поставлена в стихотворном переводе Георгия Иванова, по эскизам Н. Калмакова и с музыкой Ф. Гартмана французская пьеса XVII века в трех интермедиях — „Силы любви и волшебства“», — сообщал он читателям журнала «Аполлон».¹

Спектаклями «Кукольного театра» завершился петроградский театральный сезон 1915/16 года. «Согласно установившейся традиции, — пояснял Соловьев, — театральный сезон Петрограда заканчивается на масленице. В Великом посту наши театры или сдают свои помещения для гастролей провинциальных знаменитостей, или, желая обновить репертуар, возобновляют пьесы прошлого года, а многочис-

ленные драматические школы устраивают показательные спектакли свои учеников. И то, и другое не заслуживает особого внимания».² Однако, как вспоминал П. Сазонов,

¹ С<оловьев> Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1916. № 2 (февраль). С. 45. См. также замечание в отзыве, появившемся в следующем выпуске «Аполлона»: «Перед началом комедии исполненная по эскизу Добужинского маркиза в пышной робе произнесла короткий пролог» (М. М. Первые спектакли «Кукольного театра» // Аполлон. 1916. № 3 (март). С. 56). Автотипия «Кукла — по рис<унку> М. В. Добужинского, говорящая „Пролог“ к первому представлению „Кукольного театра“ в Пгд» воспроизведена в этом же номере как иллюстрация к трактату Ю. Слонимской «Марионетка» (с. 1–42).

² С<оловьев> Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1916. № 4–5 (апрель–май). С. 78.

«Борис Пронин, организатор и директор „Привала Комедиантов“, не спешил закрывать сезон своего театра-кабаре, поэтому «явился, и пригласил <...> дать 3 спектакля в этом помещении».¹

«Силы любви и волшебства» были «открыто» показаны в «театре подземных классиков» 22, 23 и 24 апреля. В привальской повестке был, кроме того, анонсирован следующий спектакль «Кукольного театра», художником-постановщиком которого должен был также выступить Добужинский: «Готовится к постановке „Адвокат Пателен“, комедия в трех действиях и четырех картинах, с прологом, двумя интермедиями и эпилогом, сочинения Бройде и Палапра (первые должна была быть представлена у г-жи де-Ментенон в 1700 году). Кукольная труппа, костюмы и декорации — по эскизам М. Добужинского».² Художник начал работать над сценографией еще в октябре 1915 года, но эта постановка так и не состоялась,³ и Добужинский передал эскизы к «Адвокату Пателену» своему близкому другу, искусствоведа и коллекционеру Федору Нотгафту (1886–1941).⁴

Актриса Валентина Веригина вспоминала, что в *Привале комедиантов* «Кукольный театр» давал представления в комнате, «отделанной Судейкиным», где «ощущалась старая Венеция, поданная как бы через призму Гофмана»:

¹ Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 120.

² Там же. С. 118.

³ Как было отмечено, в этом «планировавшемся Сазоновым вместе с Добужинским спектаклем <...> предполагалось воссоздать тип придворного марионеточного театра эпохи классицизма» (История одной полемики: Переписка Юлии Сазоновой с Николаем и Анной Евреиновыми 1937–1954 / Публ., вступ. текст и прим. К. Триббла // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. [Вып. 3]. С. 311. В ноябре 1915 года «Адвокат Пателен» был поставлен Юрием Ракитиным в Михайловском театре. Историю этой постановки см.: Галанина Ю. Е. Юрий Ракитин в России (1905–1917) // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Т. 10. С. 114–115.

⁴ Ныне эти эскизы хранятся в собрании Русского музея (см.: <http://www.virtualrm.spb.ru/ru/node/6067> («Адвокат Пателен»); www.virtualrm.spb.ru/ru/node/6068 («Мадам Пателен»); www.virtualrm.spb.ru/ru/node/6069 («Бахус»); www.virtualrm.spb.ru/ru/node/6070 («Олимп») (дата обращения 08.05.2020).

Был один замечательный вечер, когда Слонимская и Сазонов показывали на золотой сцене «Привала» свой театр марионеток в декорациях и костюмах Добужинского. Куклы были выточены с совершенным искусством. Этот маленький старинный театр был очень на месте в комнате Судейкина с ее преобладающим черным цветом, с бирюзовыми медальонами, кусочками зеркал на потолке и нарисованной на закрытых ставнях Бауттой.¹

Новый сезон начался 25 октября 1916 года.² «„Привал комедиантов“ на Царицыном лугу, не оправдавший возлагавшихся на него надежд — стать театром „подземных классиков“, открылся в конце октября, — сообщил Вл. Соловьев. — Во главе его теперь стоят, как говорят, Н. Н. Евреинов и Н. В. Петров. Театр открылся арабской сказкой М. А. Кузмина „Зеркало дев“. 29 октября, в день десятилетнего юбилея М. А. Кузмина, были поставлены: „Сказание о Сильване“, „Дорабель и Мирабель“ <пастораль Кузмина, известная под названием „Два пастуха и нимфа в хижине“ — А. У. > и „Выбор невесты“ с декорациями Н. Альтмана и С. Судейкина».³

Для юбилейной программы к «X-летию литературной деятельности М. А. Кузмина» Добужинский выполнил сценографию к «мимическому» балету «Выбор невесты», поставленному танцовщиком Мариинского театра и хореографом Борисом Романовым, известным как «Бобиш» и «Бабиша».⁴ С Добужинским они были знакомы еще с «собачьих вре-

¹ Веригина В. П. Воспоминания / Вступ. ст. С. Л. Цимбала, прим. Т. В. Ланиной. Л., 1974. С. 215–216 («Театральные мемуары»).

² Повестка на «Открытие „Привала комедиантов“» сохранилась в архиве Добужинского в ОР ГРМ (*Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабарэ «Привал комедиантов». С. 125).

³ С<оловьев> Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1916. № 8 (октябрь). С. 58. См. также его «юбилейные» заметки о Кузмине-драматурге, и в частности, наблюдение об уместности постановок его интермедий в *Привале комедиантов*: «По всей справедливости, М. Кузмин занимает первое место в нашем „театре подземных классиков“, спектакли которого могут происходить только в каком-нибудь подвале „Ущербной луны“ или в мансарде „Старой голубятни“. Кузмин главным образом воссоздает старо-французский комический театр. Излюбленная его сценическая форма — пастораль» (С<оловьев> Вл. Петроградские театры // Аполлон. 1916. № 9–10 (ноябрь–декабрь). С. 93).

⁴ *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабарэ «Привал комедиантов». С. 128.

мен»,¹ но «Выбор невесты» стал их первой совместной постановкой.

С Михаилом Алексеевичем <Кузминым> мы встречались очень часто, — вспоминал художник, — сначала на «средах» у Вячеслава Иванова, потом у нашего общего друга <Константина> Сомова, бывал он и у меня, и у многих других друзей. Сблизила нас и общая работа с ним и Бор<исом> Романовым: маленькая постановка его забавной пантомимы «Выбор невесты» в «Привале комедиантов».²

Новую возможность совместной работы Романову и Добужинскому предоставил в 1926 году режиссер и импресарио Никита Балиев, который пригласил художника оформить новую программу его парижского театра «Летучая Мышь». Романов сотрудничал с Балиевым с осени 1924 года и как «*maître de ballet*» был постановщиком всех хореографических миниатюр «Летучей Мыши». Вскоре после приезда в Париж, Добужинский поселился в квартире Романова в 6-м аррондисмане. «Пол-года я прожил в очаровательной квартире, уступленной мне приятелем, ездившим в Италию <...>, — писал он Ф. Нотгафту 21 августа 1926 года, — было грустно покидать этот квартал и Люксембург».³ Дружеские отношения связывали их всю жизнь. «Я все время под угнетающим впечатлением смерти в N<ew> Y<ork> Бабиши Романова, — писал Добужинский Сергею Маковскому 7 февраля 1957 года. — <...> За две недели до его смерти я получил от него письмо, очень грустное, даже отчаянное. Так ему было скверно в Америке, где он страшно тосковал по Италии. Вот еще одна утрата».⁴

В самом начале обсуждения репертуара нового сезона 1926 года у постановщиков возникла идея воссоздать «Выбор невесты» на парижской сцене. 29 мая Добужинский написал жене в Берлин и попросил переслать ему нужные для постановки эскизы: «Лизушечка, пришли еще вот что: костюмы к „Выбору невесты“». Романов хочет поставить, может

¹ Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» С. 212–213.

² Добужинский М. В. Воспоминания. Нью Йорк, 1976. С. 386.

³ Добужинский М. В. Письма / Изд. подг. Г. И. Чугунов. СПб., 2001. С. 204.

⁴ Там же. С. 323.

быть тоже дополнительно (это Нинет с белыми штанишками, 2 турка, господин в лиловом ффраке и белых штанах и толстая турчанка), и не забудь Принцессу».¹ И хотя он высказал предположение в другом письме («*Может быть* <выделено Добужинским. — А. У.>, пойдет и „Выбор невесты“ Кузмина-Романова»²), эта постановка не была включена в окончательную программу «Летучей Мыши».³

В период подготовки этого сезона к труппе театра присоединился поэт Петр Потёмкин, написавший либретто для балетной постановки Романова, сценографию к которой должен был исполнить Добужинский. «Наконец, <...> пойдет только что сегодня заданная мне пьеска Потёмкина „Казаки“ (в Париже при Наполеоне), — сообщал он жене 9 июня. — Это уже совсем неясная вещь, и только сейчас приступаю». На самом деле эта интермедия должна была вызвать в памяти не состоявшееся в «Бродячей собаке» представление «Парижский игорный дом на улице Луны (1814 год)».⁴

Эта программа была задумана еще Борисом Прониным, который хотел привлечь Добужинского в качестве художника-постановщика, извещая его в письме 22 сентября 1912 года: «Сейчас усиленно готовимся к исполнительному вечеру „Русские в Париже в 1815 году в игорном доме“»,⁵ — а Потёмкин был приглашен в качестве одного из сценаристов. Другое название этого «исполнительного вечера», «Парижский игорный дом на улице Луны, захваченный казаками в 1814 году», могло подсказать ему заглавие интермедии в «Летучей Мыши» — «Платовские казаки в Париже в 1814 году» или «Платовские казаки в Париже, гравюра эпохи», как она была поименована в окончательной версии.⁶

Валентина Веригина писала в своих «театральных записках»:

¹ Добужинский М. В. Письма. С. 197–198.

² Там же. С. 203.

³ Об этом см.: Устинов А. Мстислав Добужинский и его кабаретные компаньоны: Парижский сезон «Летучей Мыши» 1926 года // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2 (в печати).

⁴ Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 177, 249.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Устинов А. Мстислав Добужинский и его кабаретные компаньоны...

Между прочим, на программе вечера «Парижский игорный дом на улице Луны» (13 декабря 1912 года), кроме марки Добужинского (собака, положившая лапу на маску), красуется на первой странице веноч Судейкина. В листья вилетены игральная кость, полумаска, стрела, карточные знаки — все сделано красными чернилами и тушью при помощи спички. Я не была на этом вечере, так как предпочитала интимные сборища, без программы. Присутствующих пианистов, поэтов, артистов просто приглашали на эстраду. Слышались голоса: «Просим такого-то», — и никто почти не отказывался. В 1913 году автору этих записок пришлось выступить на этой эстраде с Романовым в импровизации на испанскую тему и на тему западного кино, предложенную поэтом Потёмкиным. Я с удовольствием вспоминаю этот прекрасный вечер и своего блестящего партнера.¹

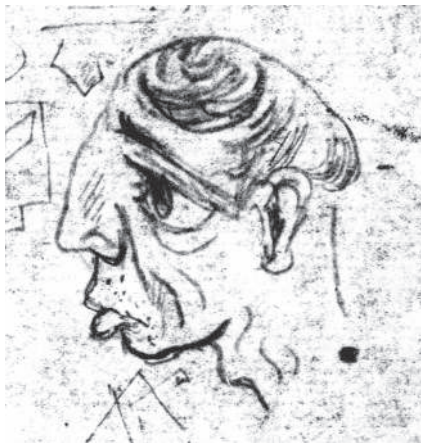
Романов неоднократно выступал в «Бродячей собаке» на пару с Потёмкиным. «Господа — кинематограф! — вспомнил их импровизации балетный критик и театрал Анатолий Шайкевич. — Спортивная картина — скачки в Голуане на верблюдах. На эстраде верхом на перевернутых стульях, головами упершись в спинки, прыгают два молодых человека; один длинный, нескладный, худой — это поэт Потёмкин, другой маленький, странно порывистый и ловкий, похожий на обезьяну — Романов».² Они воспринимались как неразлучная пара и даже были названы в одном ряду с сиамскими близнецами «Додиком и Радиком» в программе «Кинематограф. Обзор художественных выступлений и активной деятельности „Собаки“».³

¹ Веригина В. П. Воспоминания. С. 173.

² Аш [Шайкевич А.]. Петербургские катакомбы (посв. Борису Романову) // Театр (Берлин). 1922. № 14. С. 4.

³ Парнис А. Е., Тищенко Р. Д. Программы «Бродячей собаки» С. 202. Ср. дневниковую запись Кузмина от 2 сентября 1914 года о встрече с П. Потёмкиным, вернувшимся с Балеарских островов, дома у Б. Романова (*Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина СПб., 2005. С. 475*). Другое упоминание их обоих относится к 15 марта 1915 года: «Приехал к Бобишу. Нет дома. Потом бежит прислуга и возвращает меня. У него был Владимир. Поволок меня к Альберу, где Потёмкин играл на бильярде со Зданевичем, и Григорьев с Альманом. Пошли во „Францию“, где давали вино. Говорили о поездке. Потом еще проехали к Бобишу. Сидели очень долго. Потёмкин — это нехороший дух для меня. Злой неудачник» (Там же. С. 520–521).

8 февраля 1912 года в «Бродячей собаке» Потёмкин и Романов представили «сенсационный номер — четыре негра и дама» при участии «артистов Императорского театра» Александра Орлова, Виктора Семенова и Елены Маршевой.¹ Потёмкин развил «негритянскую тему» в стихотворении «Черная Молли» («Из мужских имен на свете / Мне противней всех Андрей...»), включенное им в сборник того же года «Герань» (1912),² а также в поэтическом прологе к пантомиме «Черная Свадьба», танец из которой в постановке Романова был три года спустя показан на одном из последних «собачьих» вечеров.³

М. Добужинский. Шарж на Михаила Кузмина. 1918–1919 (LNB).

В «музыкальном представлении» Кузмина «Вертеп кукольный. Рождество Христово», состоявшемся 6 января 1913 года в постановке Константина Миклашевского, Романов исполнил партию одного из волхвов, а Потёмкин выступил в роли Осли, который произносил реплику в седьмой сцене после Иосифа, сыгранного Аркадием Зоновым:⁴

Иосиф

Ирод злобой сыпет,
Света не хотя.

¹ Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 183.

² Потёмкин П. П. Герань. Книга Стихов / <Под ред. О. Б. Кушлиной>. СПб., 2005. С. 9–10.

³ День (Петроград). 1915. № 7. 8 января. С. 5; см. также о повестке «Бродячей собаки» на вечер 11 января 1915 года: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 257.

⁴ Там же. С. 203. Вместе с Ф. Ф. Комиссаржевским Зонов поставил в Драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской «Бесовское действо» А. М. Ремизова с декорациями Добужинского и музыкой М. Кузмина в декабре 1907 года; см. подробнее: Устинов А. Мстислав Добужинский и его кабаретные компаньоны...

Отвезу в Египет
Милое дитя.

Осел

Все говорят: ты глуп осел,
Твои так длинные уши,
Но я призвание нашел,
Вот тут, народ, и слушай.
(Уезжают в Египет).

Звезда

В Египет Спаса провожаю
И тихо свет свой угашаю.
(Тушит свою свечку).¹

Племянник Кузмина, прозаик и драматург Сергей Ауслендер отчитывался о постановке в журнале «Аполлон»:

Мне хочется упомянуть еще об одном событии, собственно не вполне театральном. В подвале «Бродячей

¹ *Кузмин М.* Театр: В 4 т. (В 2 кн.) / Сост, примеч., ст. А. Г. Тимофеева. Под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Oakland, 1994. Кн 1. Т. I–III. С. 66–67 (Modern Russian Literature and Culture. *Studies and Texts*. Vol. 30). В 1919 году «Вертеп кукольный» был поставлен Любовью Шапориной в театре «Студия», бывшем Литейном (см.: *Жизнь Искусства*. 1919. № 113. 6 апреля. С. 5). Как вспоминала режиссер, «едва освоив трудную науку создания марионеток, мы принялись за постановку пьесы М. А. Кузмина „Рождественский вертеп“ с музыкой автора. Пьеса оказалась коротка, и, чтобы заполнить целый спектакль, присоединили „Царя Салтана“ (в моей обработке). <...> 12 апреля 1919 года мы дали свой первый спектакль в бывшем театре Елисеева, как тогда называлось помещение, занимаемое теперь Театром комедии, и куда той весной перекочевала „Студия“. <...> Спектакль был обставлен хорошо, прошел гладко. Музыкальные номера исполнял квинтет. Очень хорошо звучала музыка к „Вертепу“. М. А. Кузмин однажды сказал: „У меня не музыка, а музыка, но в ней есть свой яд“» (*Шапорова Л. В.* Дневник: В 2 т. / Вступ. статья В. Н. Сажина, подгот. текста, комм. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2011. Т. 2. С. 421, 423). Вероятно, чтобы не смущать публику, было решено показывать обе инсценировки под одним названием — «Царь Салтан». Премьера спектакля состоялась не 12 апреля, когда в театре «Студия» шла «пьеса „Саламинский бой“ А. Пиотровского и С. Радлова, написанная специально для детской аудитории» (*Жизнь Искусства*. 1919. № 113. 6 апреля. С. 5), а 2 мая, как и было предварительно намечено: «Работы по созданию Кукольного театра в театре „Студия“ (б. „Гротеск“) близятся к концу. Первая постановка — „Царь Салтан“ почти закончена: премьера намечена на 2-е мая» (*Жизнь Искусства*. 1919. № 120. 24 апреля. С. 2). Кузмин откликнулся на постановку Шапориной в заметке «Студии» (*Жизнь Искусства*. 1919. № 129. 6 мая. С. 1), позднее включенной им в книгу «Условности. Статьи об искусстве» (Пг., 1923).

собаки», который стал за последнее время своего рода клубом поэтов, художников, актеров, был поставлен «Вертеп кукольный» М. Кузмина. 6-го января (в Крещенский вечер) в этом, находящемся на заднем дворе подвале, разукрашенном Судейкиным, Белкиным и еще несколькими художниками, собрались «друзья Собаки». Было совершенно особое настроение, чуть-чуть торжественное, и от этих свечей на длинных, узких столах, и от декорации Судейкина, изображающей темное небо в больших звездах с фигурами ангелов и демонов. <...>

Когда волхвы проходили, ведомые звездой, с дарами, когда дьявол нашептывал злые советы Ироду, когда Мадонна вышла из вертепа и села на осла, казалось, будто настоящая мистерия, настоящее тайное действие совершается под низкими сводами подвала.¹

Даже несмотря на ухудшение их личных отношений,² Потёмкин, скорее всего, присутствовал на юбилейном вечере Кузмина в *Привале комедиантов* 29 октября 1916 года — там как раз начались репетиции нового представления, открывшегося 12 ноября. В состав этой «программы кабаре с маленькими вещицами и отдельными номерами», как определил ее драматург и театральный критик Евгений Зноско-Боровский, был также включен «гротеск К. Гибшмана и П. Потёмкина» «Блэк-энд-Уайт», впервые показанный осенью 1910 года в театре Вс. Мейерхольда «Дом интермедий».³ Актер Александр Голубев так писал своей жене Екатерине Мунт о состоявшейся у Мейерхольда премьеры: «12-го и вчера играли мы: 1) „Пролог“ Кузмина, 2) „Шарф Колумбины“ <...> (пантомима), 3) „Пастораль“ Кузмина (отвратительно) и 4) „Блэк энд Уайт“, чудная вещица Гибшмана и Потёмкина, комическая, негритянская вещица. Все говорят по-английски, а сам Гибшман сидит впереди и переводит, причем

¹ *Ауслендер С.* Театры // Аполлон. 1913. № 2. С. 66; см. также: «Описание спектакля с чужих слов имеется в воспоминаниях И. А. Бунина: „...поэт Потёмкин, изображая осла, шел, согнувшись под прямым углом, опираясь на два костыля, и нес на своей спине супругу Судейкина в роли Богоматери“» (*Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» С. 204).

² См. дневниковые записи Кузмина после 29 марта 1915 года: *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 С. 523, 524, et passim.

³ *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 131.

только самые понятные вещи, вроде „смеются“, „сморкается“. Играют очень хорошо и Альбов, и Хованская. Поют настоящие негритянские куплеты, а все остальное — набор английских слов...».¹

В 1926 году Потёмкин вспоминал историю постановки в «Доме интермедий»:

Доктор Дапертутто-Мейерхольд был главным режиссером театра, но кроме него, всецело посвятившего себя «Шарфу Коломбины», над другими вещами работали и другие. Бонч-Томашевский на правах директора ставил не увидевшую свет рампы (рампы, впрочем, в Доме Интермедий не было) пьесу Гофмансталя «Веер», а мы с Гибшманом ставили свое детище «Блэк энд Уайт». Говорю наше, а не мое, потому что роль переводчика <т. е. роль помощника режиссера. — А. У.> почти вся сделана Гибшманом. Но как бездарно и трафаретно ставили мы ее! И как нам стало это ясно, когда пришел к нам на репетицию Мейерхольд и сразу отменил все наши мизансцены и планировки и показал, как надо ставить. Вещь сразу стала вдвое лучше. Но как странно вспоминать теперь, что вещь эта прошедшая потом по всей России и ставившаяся во всех театрах миниатюр с неизменным успехом, пугала своей непривычностью и новизной даже самого «новатора» доктора Дапертутто <т. е. Вс. Мейерхольда. — А. У.>. Немало пришлось мне приложить труда, чтобы убедить своих друзей, заправил театра, в том, что вещь эта будет весела на сцене. Написанная якобы на английском языке набором ничего не значащих звукоподражаний и вошедших в русский обиход английских терминов, она была абсолютно нечитаемой и только на репетициях выяснилось, что она забавна и смешна.²

«Прогремевший „Блэк энд Уайт“, забавный и острый»³ в *Привале комедиантов* обогатился декорациями Бориса Григорьева и собственным конферансье. Этот скетч представлял

¹ Галанина Ю. Е. К истории петербургского «Дома интермедий» (по неизданной переписке А. А. Голубева и Е. М. Мунт) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Е. Багно, Дж. Малмстад, М. Э. Маликова. М., 2009. С. 106–107.

² Потёмкин П. П. «Доктор Дапертутто». (Из театральных воспоминаний) // Последние Новости (Париж). 1926. 13 июня. № 1908. С. 3.

³ Ауслендер С. Мейерхольд // Театр (Берлин). 1923. № 2 (17). С. 11. В 1922 году «исключительное право на постановку пьесы П. П. Потёмкина „Блэк энд Уайт“» было приобретено берлинским театром миниатюр «Карусель» (Руль (Берлин). 1922. № 601. 18 ноября. С. 6; ср.: Там же. № 600. 17 ноября. С. 5).

«Метр вечера — Коля Петер» — актер и режиссер Николай Петров, который также выступил ведущим на праздновании «X-летия литературной деятельности» Кузмина. В своей мемуарной книге «Встречи» Владимир Пяст писал, что «работавший, как вол, — Коля Петер <...> дирижировал хором, приветствовавшим юбиляра»: ¹

Вот без лишних слов и мин
Славим мы тебя, Кузмин!
Славим славно,
Славим равно,
Как дама, так и господин!

Мы сыны былой Собаки
Славим паки ты и паки,
В той же мере
славят дщери,
Вскрик у всех один:
Ура, Кузмин!

Уплатив десятку с рыла,
Публика в Привал ввалила.
Десять лет
писал поэт...
Что здесь — символ или нет?

Те же лица, те же рожи,
Любим тех же, любим то же.
Славься лихо,
Славься Миха-
Ил Алексеевич Кузмин.²

Если Потёмкин действительно присутствовал на юбилейном вечере, он вполне мог принять участие в сочинении этих коллективных куплетов. Один из газетных обозревателей с большим энтузиазмом отзывался о его сочинениях, считая их неотъемлемой частью репертуара *Привала комедиантов*: «Вновь соберутся под его черные с позолотой своды подвала

¹ Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подг. текста, комм. Р. Д. Ти-менчика. М., 1997. С. 136, 137. Пяст ошибочно посчитал местом празднования не «Привал комедиантов», а «Бродячую собаку», см. комментарий Р. Д. Тименчика: Там же. С. 336.

² Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 130.

графа Гоцци наши петербургские Альтенберги, и вновь запульсирует волна горячий, яркой жизни... В качестве „раритета“ (только для гурманов) возвращается из Белокаменной поэт П. П. Потёмкин со своими пряными колючими стихами, как нельзя более подходящими к сумбурному, но такому привлекательному в необычности своей репертуару этого уголка русской богемы».¹

Премьера последнего сезона *Привала комедиантов* состоялась 2 ноября 1918 года. «Сегодня открытие, — извещала новая петроградская газета «Жизнь Искусства». — Начало программы в 5 часов. Сумерничанье с 4 часов».² На «первом вечере» этого сезона был вновь показан «Блэк энд Уайт», при этом в афише был указан авторский жанр — «негритянская трагедия»,³ видимо, именно отсюда позаимствованный Осипом Мандельштамом для его театрального очерка «Гротеск».⁴ Тем не менее критик Андрей Левинсон в обстоятельном отзыве, посвященном открытию *Привала*

¹ Там же. С. 144.

² Жизнь Искусства. 1918. № 5. 2 ноября. С. 2. Анонс открытия «Привала комедиантов» появился в дебютном выпуске газеты: «Программа первого вечера: „Блэк энд Уайт“, скетч К. Э. Гибшмана и П. <П.> Потёмкина, в постановке автора. Водевиль „Танцмейстер из Херстрита“, соч. и музыка М. А. Кузмина, постановка К. К. Тверского. К. Гибшман споет песни нового своего репертуара. В заключение — два маленьких балета, поставленные Б. Г. Романовым, и музыкальное трио» (Там же. 1918. № 1. 29 октября. С. 8).

³ См. в окончательной программе: «„БЛЕК ЭНД УАЙТ“. Негритянская трагедия К. Э. Гибшман и П. П. Потёмкина. Музыка В. А. Шаэ. Действующие лица: Джим — Казаринов. Смайльс, слуга таверны — Лачинов. Джон белый — Антимонов. Молли — Яроцкая. Джек, ее негр — Обневский. Тибби — Скоробогатов. Тобби — Шубин. Переводчик — Гибшман. Негры» (Жизнь Искусства. 1918. № 5. 2 ноября. С. 8). Опечатка в этом и следующем номере (№ 6. С. 4): «Молли — Обневский. Джек, ее негр — Яроцкая», — была исправлена в выпуске от 5 ноября (№ 7. С. 6).

⁴ «Здесь незримо присутствует „гений“ Потёмкина, автора великой англо-негритянской трагедии „Black and white“ (кстати входит в репертуар „Гротеска“)»... (Мандельштам О. Э. «Гротеск» // Мандельштам О. Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 187. Впервые: Обзорение театров г. Ростова и Нахичевани. 1922. № 6 (11). 29 янв. — 1 февр. С. 5). В авторских редакциях 1910 и 1912 годов «Блэк энд Уайт» сопровождается именно таким жанровым подзаголовком, см.: Кабаретные пьесы Серебряного века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., биогр. очерки и примеч. Н. Букс при участии И. Е. Ложилова. М., 2018. С. 370–379.

комедиантов, удивился отсутствию новизны и высказал сомнение в правомерности включения в репертуар «художественного кабачка» уже известных миниатюр и сыгранных интермедий:

Если бы я был зван в обыденный жанровый театр «о двух сериях», я ограничился бы суждением о разыгранном представлении. Но приходя в подвал и в *Привал*, ищу иного. Чем должен быть и ведь бывал не раз художественный кабачок? Мастерской дерзновенной и внезапной инициативы, местом, где заколдованная преграда рампы устранена и азартная шутка перекидывается, как мяч, из зала на подмостки и со сцены в публику. Подвал может стать для актера студией без педантичного наставника; и из ее затей, подчас шуточных, готово иногда нечаянно возникнуть высокое и новое художественное течение. Истинное предназначение такого уголка: импровизированная *пародия*, — проверка через смех общепризнанных ценностей. И для этой «*gaia scienza*», веселой науки, необходимо профессиональное мастерство актеров, но не оостеневшее в суставах, восприимчивое к толчкам нервов.

И что же? Дважды был у нас такой кабачок! Я разумею московскую «Летучую Мышь», пока не развернулся коммерческий гений Никиты Балиева, да нашу «Бродячую Собаку» в ее лучшие дни, когда зрители-участники были пьяны без вина. Сегодня же не знаю, кого винить за эти томительные часы безразличия: время, людей или случай. Ибо Муза кабачка — *Новизна*. Между тем, мы «просумерничали» этот вечер в окружении бледных теней прошлого.

В самом деле, вот уже столько лет возобновляемый негритянский гротеск «Блэк энд Уайт», — удачная бутада Гибшмана и Потёмкина, — давно притупил восприимчивость зрителя. Да и сам Гибшман, актер отличный с недоуменно-необъятной усмешкой конфузливго простака, своего рода Епиходов во плоти, не обновился, а как-то потух за эти годы.

Для балетного номера Б. Г. Романов выделил из яркой своей «Андалузианы» два танца, виденные не раз в его собственном (и Е. А. Смирновой) патетическом и живописном исполнении, и отдал их в менее опытные руки. Что до исполнителей остальной программы — первенство принадлежит актерам покойного «Кривого Зеркала»: Яроцкой, грациозной даже в шарже <в «Блэк энд Уайт». — А. У.> и комически-хладнокровному Антимонову. <...>

Как бы высоко не ценить тот общий тон литературного достоинства и сценического вкуса, что был убережен во всем характере программы, трудно примириться с тем, что содружество актеров, художников и вообще интерес-

ных людей, возглавивших «Привал», смогло предложить для праздничного открытия своего подвала — лишь тень от тени былых вдохновений и задора.¹

В январе 1919 года *Привал комедиантов* объявил очередную премьеру, однако помещенный в «Жизни Искусства» анонс — «*Кабарэ: Вся новая программа*. Нач<ало> в 8 час. веч. С 5 ч. веч. *Веселый чай*. Оркестр Жоржа Буланже»² — носил загадочный характер, пока не были сообщены соответствующие подробности. Режиссером новой программы выступил Константин Гибшман, который составил ее из пяти миниатюр с «костюмами и декорациями М. Добужинского, С. Судейкина, А. Радакова».³ Одна из них — пантомима М. Кузмина «Ужин», поставленная Б. Романовым с участием О. Глебовой-Судейкиной, А. Христансона и И. Чекрыгина, не числится в его театральном наследии. Тем не менее, можно предположить, что это интермедия, известная как «Королевские поварята».⁴

В 1926 году эта пантомима рассматривалась к постановке в «Летучей Мыши», как извещал 29 мая жену Добужинский: «Эти два дня я очень волновался по поводу Балиева. Он окончательно мне предложил 6 постановок: 1) „Свинопас“,

¹ Л<евинсон>н Анд<рей>. Так было, так будет (Открытие «Привала комедиантов») // Жизнь Искусства (Петроград). 1918. № 5. 2 ноября. С. 3.

² Жизнь Искусства. 1919. № 55. 9 января. С. 1; Там же. № 56. 10 января. С. 1; Там же. № 57. 11 января. С. 1.

³ Жизнь Искусства. 1919. № 58. 14 января. С. 4. Эта программа *Привала* чередовалась с предыдущей, в которую входили спектакли «Веселая смерть», «Театр чудес» и иногда «Двенадцать» Блока в исполнении Л. Д. Басаргиной-Блок (см.: Там же. № 53. 4 января. С. 4; Там же. № 59. 15 января. С. 4 и др.). «Любовь Дмитриевна читала „12“ отчаянно, с какой-то „погибельной“ удалью, словно она причастна их страстям и безумиям, — вспоминал К. И. Чуковский по просьбе Д. Е. Максимова. — В ней (когда она выступала с чтением этих стихов) было что-то от Катьки — и это привлекало Ал<ександра> Ал<ександрови>ча. Однажды, когда она — в Доме искусств — закончила чтение и ушла в артистическую — Блок (не заметив, что в артистической нахожусь я) вошел туда и направился к „Любе“ с такими влюбленными, восторженными глазами, каких я никогда у него не видел. Сам он не читал „Двенадцати“ — „у меня не выходит“, — но „отчаянное“ чтение Люб<ови> Дм<итриевны> считал превосходным» (Блок А. А. Письма к К. И. Чуковскому и отрывки из дневника К. И. Чуковского / Вступ. ст., публ. и комм. Е. Ц. Чуковской // Литературное наследство. 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 270.)

⁴ Кузмин М. Театр. Кн 1. Т. 1—III. С. 182—185.

2) „Ужин“ (кузминский, который мы ставили с Романовым) <...>. Все — *одноактные*».¹ Однако в окончательную программу парижского сезона эта постановка Романова включена не была. «Дело в том, что все время идут перемены репертуара и тол<ько> сегодня выяснится окончательно его репертуар, — пояснял Добужинский в письме жене 9 июня. — Главное дело в том, что с обоими трудно очень регулярно сговариваться: Балиев, например, завтра и послезавтра невидим, то же и Романов <...>, Балиев ожидает эскизов костюмов к „Музыке“,² чтобы *от них идя*, писать *текст*, а с другой стороны, эти персонажи зависят от танцевальных идей Романова и самой музыки — от этого задержка».³

Впрочем, невозможно с точностью утверждать, что и *привальская* постановка «Ужина» состоялась. В новых исторических условиях внимание газет было сосредоточено на государственных и академических театрах Петрограда. Кабаре Пронина не могло составить им конкуренцию, и анонсы программ *Привала комедиантов* начали исчезать из художественной хроники. Тем не менее, 1 февраля 1919 года в «Жизни Искусства» появилось сообщение о подготовке новой программы «театра подземных классиков»: «Очередными постановками в „Привале Комедиантов“ явятся: пьеса А. В. Луначарского „Вавилонская палочка“ и инсценировка сказок Андерсена „Комета“, „Цветы <маленькой> Иды“ и „Свинопас“. <...> Инсценировка Андерсена идет в постановке М. В. Добужинского и К. К. Тверского в декорациях и костюмах художника М. В. Добужинского, в сопровождении музыкальных <номеров, написанных> композитором Б. В. Асафьевым».⁴

¹ Добужинский М. В. Письма С. 197.

² Имеется в виду вошедшая в программу интермедия «Музыка идет!», которую Добужинский называл в списке постановок, предложенных ему Балиевым: «„Musik Kommt“ (перед забором, за которыми проходят войска, толпа реагирует)» (Там же).

³ Там же. С. 200.

⁴ [Б. п.]. В «Привале Комедиантов» // Жизнь Искусства. 1919. № 69. 1 февраля. С. 2–3; исправлены опечатки и порча текста. Эта заметка не появилась в предыдущих выпусках газеты 28, 29 и 30 января, которые вышли неполными. Как дважды пояснила редакция, «вследствие отсутствия газа в типографии газета „Жизнь Искусства“ выходит сегодня в сокращенном размере».

Постановка «Сказки Андерсена», в которой «Добужинский выступил не только как декоратор, но и как автор инсценировки и как сорежиссер»,¹ и стала его главной «программой» в *Привале комедиантов*. Как показывают дневниковые записи художника, он начал готовить ее на исходе 1918 года, несмотря на свой грядущий отъезд в Витебск, куда художника пригласил преподавать Марк Шагал, его бывший ученик по Художественной школе Е. Н. Званцевой, а с осени 1918 года — Комиссар по делам искусств Витебской губернии.² К сожалению, вписанные в тетрадь под заглавием «Поэзия и проза» записи Добужинского отрывочны и не везде поддаются прочтению. Тем не менее они дают представление о ходе работы над постановкой в первую половину января 1919 года на фоне голода, темноты и непрекращающихся бытовых тягостей пореволюционного Петрограда:³

1 янв<аря> ср<еда> Просидел дома (трамваи не ходят) и рисовал для Андерсена. Был Петров-Водкин, поздно выперли. Голод мучил немного.

2 янв<аря>, чт <четверг> <...> В *Привале* (где попил чаю с хлебом) и в 4^м часу в Отд<ел>изобр<азительных> иск<усств>. Там с Штернбергом (кот<орый> оч<ень> любезен) насчет Витебска. Мне дают командировку (50 руб<лей> и проезд) и льготный билет (без отдачи прод<овольственных> карточек) и для Доди.⁴ <...>. В Экон<омическом> общ<естве> купил морковь (7 р<ублей за> ф<унт>) и уже домой, <...> встретил Додю, кот<орый> привез мне рисунки д<ля> костюмов, и обратно в Привал. 1 раз репет<иция> с музыкой Асафьева. <...>

3 <января> пт <пятница> Утр<ом> все работали на кухне. <...> Пошел в *Привал*, тьма, Анненков (решил его позвать в Вит<ебскую> школу), репетицию <проводили> уже при свете, но без музыки «Свинопаса». Заходил Верейский. <...>

¹ Тименчик Р. Д. Добужинский в Риге. С. 116.

² См. письма Шагала к Добужинскому: *Harshav B. Marc Chagall and His Times: A Documentary Narrative*. Stanford, 2004. P. 203–204, 971.

³ Эти и последующие выдержки из дневника Добужинского 1919 года приводятся по рукописи: LNB. Арх. 1. № 2274, л. 3–5.

⁴ Младший сын Добужинского Всеволод (1905–1998).

4 <января> субб<ота> <...> Были Нотгафт и Элькан¹ в 5 ч<асов>. Смотрели рисунки и эскизы. Лиза приготовила мятные пряники.

Вече<ром> очень злился и рисовал костюмы для «Цветов мал<енькой> Иды». Был <Н.> Радлов. Лиза не хочет продавать эск<изы> к <спектаклю> «Ков<арство> и Любовь» и вообще выводит меня смешным! Элькан купил виньетку <к> Лерм<онтову> за 250 р<ублей>.²

5 <января> Воскр<есенье> Опять стужа дома. Утром все за работу, вкусный кофе, вкусный завтрак, кончил костюм. Пошел пешком, ибо трамвай не идут, в Привал. Надел валенки и папаху. 1^а мален<ькая> репет<иция> «Иды». <...> Лунач<арский> был и уезжает в Москву. Один актер предложил хлеба — экспедиция на Казанскую, таинственная табачная лавочка. Ожидал на темной улице, купил краюху в 14 ф<унтов> по 19 р<ублей> = 364 р<убля>!

<...> Трам<ваи> пошли. Радость от рождеств<енского> подарка — хлеба. Мирно чай пили, Лиза со ступочкой смотрела мои костюмы.

6 янв<аря>, понед<ельник> С Додей рано встали. Я — в Отдел Т<еатров> и Зр<елищ>, засед<ание> Совета Режиссерского. Асафьев — председ<атель>. Грановская — секретарь. <...>

Получил 2 селедки из Кооператива! В Привале никого. К Ф. Ф. <Нотгафту> и снова в Привал. Репет<иция>. <...>

Верейск<ий> зашел. Ёлку зажгли в 12 ч<асов>, когда потухло электрич<ество> и читали *Евангелие*, и ели, что Бог послал. Вкусно.

7 <января>, Вт<орник> <...> Приглашены Эльканом к нему, пошел в 4 ч<аса>. Были Головин, Эрнст, Нотг<афты>, Бенуа с А<нной> К<арловой>. А также Со-

¹ Бернгард Вениаминович Элькан (1885–1937) — коллекционер, партнер Нотгафта по издательству «Аквилон».

² Имеется в виду одна из иллюстраций Добужинского либо для издания «Кружка Любителей Изящных Изданий» «Казначейши» (Пг., 1914), либо для невышедшего «Собрания сочинений» Лермонтова в 4 томах, которое готовилось издательством «Грядущий день» к юбилею поэта. См.: *Нотгафт Ф.* Список графических работ М. В. Добужинского // *Графика М. В. Добужинского / Текст С. Маковского и Ф. Нотгафта.* [Берлин: Petropolis,] 1924. С. 69–70.

мов, Кан с женой и д-р Абельман.¹ Было обжорство: чай с белой булкой и конф<еты>, потом телятина (2^й раз за день) и пирож<ные>, и говорили об еде — психоз! Нарочно все это записываю, чтоб после, если будет иначе, — запомнилась эта нелепость нашей жизни. <...>

Ушел раньше других и, как ни странно, все же еще поужинал дома! Читал детям 1001 ночь.

8 <января>, ср<еда> Ужасающе мрачный день. Встал с головной болью в 12 ч<асов>. Писал для Горького маленькую докладную записку о Музее Общ<ества> друз<ей> науки. Пошел к Нотгафту с<о> своей аквар<елью> «Одензее» для Элькана (денег нет!).²

Ужасный сегодня Петербург. Сырость, тьма, трамваев нет, туман — ужас. Прошлепал туда и обратно, как во сне. <...>

У Стивы³ были товарищи. Сделал эскиз<ы> для «Иды» и для «Кометы». Очень есть хотелось всем. <...>

9 <января>, четв<ерг> Встал очень поздно. Пришел Элькан в 1/2 12<-го>, свататься за Вильно.⁴

Подарил ему винетку из Лермонтова. Прошу 2 000. <...>

В Привале пообедал и был возмущен нахальством Г-жи Лишневской,⁵ которая претендует на собственность моих эскизов. Никакой репет<иции> не было.

¹ Александр Кан (1873–1952), Берта Кан (1890–1952) и врач Морис Абельман (1863–?) — отец Анны Элькан (1899–1962), жены Б. Элькана, — знакомые Константина Сомова (*Сомов К. Дневник 1917–1923 / Вступ. ст., подгот. текста, комм. П. Голубева. М., 2017. С. 247, 291, 369–370*). Ср. его дневниковую запись об этом ужине: «Первый раз у Элькана. Много народу. Бенуа с А<нной> К<арловной> и Атей, Добуж<инский>, Эрнст, Нотгафт. Кан (новый для меня) и Абельман с женами. Сначала чай, потом ужин. Сытно, обильно и вкусно, как в дорев<олюционн>ое время. Сам Элькан растерянный, сконфуж<енный> и озабоченный, смешной, но очень милый. <...> У Элькана недурное небольшо<ое> собрание совр<еменных> рус<ских> худ<ожников>» (Там же. С. 247–248).

² Имеется в виду акварель улицы в Оденсе, подписанная «М Д Odense 6 VIII 1912». Из коллекции Элькана попала в собрание Русского музея; каталогизирована под названием «Дания. Улица в Одензее» (*Чугунов Г. М. В. Добужинский: Монография. Л., 1984. С. 249*).

³ Старший сын Добужинского Ростислав (1903–2000).

⁴ Речь идет о приобретении Эльканом гуаши Добужинского (см. в записи 11 января).

⁵ Вера Александровна Лишневская-Кашницкая — «жена Пронина с конца 1914 г. по начало 1920-х годов; активно руководила деятельностью „Собаки“ в 1914–1915 гг. и „Привала комедиантов“ в 1916–1919 гг.» (*Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 246*).

У Горького познакомился с Ходасевичем (отцом—)¹ <...>

10 <января>, пятн<ица> <...> В Привале, где очень стукнулся головой о притолоку камина. Сдаю свои репет<иции> К. К. Тверскому. Зашел к Ф. Ф. <Нотгафту>. Дома <...>. Ничего не ладилось, варил картошку — на завтра ничего нет. Тьма, нет керосину.

11 <января>, субб<ота> <...> В Отд<ел> т<еатров> и зрел<ищ> <на> засед<ание> Режиис<ерского> Совета. С Грановским в Дом Литераторов (на Басс<ейной> в особняке), где он меня угостил обедом «страшно» дешево 3 р<убля> и 4 р<убля> блюдо. <...>

В Привале репетировал в присутствии Тверского «Андерсена». Проводила вся коллегия. С В<ерой> Ал<ександровой> решил поговорить окончат<ельно>. Даже хотел угрожать трет<ейским> судом, но неожиданно сдала<сь> и обещала отдать эскизы обратно. Зашел к милым Нотгафтам, чтобы тащить к себе. Трамвай пошли. И Феден<ька>, и Элькан были. <...> Лиза не вышла, готовила крендель мне на д<ень> р<ождения> и нам в дорогу. Элькан принес 1000 р<ублей> за «Вильно. Мостовая ул<ица>».² Я со свечой Рене Ив<ановны>³ рисовал дополнения к Андерс<еновским> декорациям до 2^x ч<асов ночи>. Потом с Лизой на кухне жарили и угощались до 4^x ночи.

Привальская «коллегия» проводила Добужинского в Витебск, куда он отправился в воскресенье 12 января. Для этой поездки он приготовил отдельную записную книжку, озаглавив ее «Витебск 19 I-II 19», но по инерции сделал несколько записей еще в Петрограде, в том числе отметив там свои посещения Привала комедиантов: «Среда <8 января> 1/2 6<-го> в Привале. Четверг <9 января> <...> В Привале

¹ У Горького состоялось знакомство Добужинского с Владиславом Ходасевичем — не отцом, а дядей художницы Валентины Ходасевич. В это время она занималась оформлением серии горьковских книг: «Изд<ательство> П<етроградского> С<овета> Р<абочих> и К<рестьянских> Д<епутатов> запускает ряд рассказов М. Горького отдельными выпусками. Вышли уже „Макар Чудра“, „Дед Архип и Ленька“, „Мальва“ с иллюстрациями В. Ходасевич (Жизнь искусства. 1919. № 125–126. 1–2 мая. С. 5).

² Имеется в виду один из вильнюсских пейзажей Добужинского. Выполненная в 1907 году гуашь «Вильно. Мостовая улица» за подписью «М. Dobužinskis» ныне хранится в Национальном художественном музее Литвы (Lietuvos nacionalinis dailės muziejus) в Вильнюсе (Чугунов Г. М. В. Добужинский. С. 247.)

³ Жена Нотгафта Рене Ивановна (урожд. Кёстлин).

о делах. *Пятн<ица, 10 января> <...> 1/2 7<-го> Привал*».¹
 В следующей записи Добужинский восстанавливал последовательность событий первого дня в Витебске:

13^е янв<аря> (31 Дек<абря>)

Приезд. Потеря документов

Шагал. С ним на засед<ание> Отд<ела> Нар<одного> образов<ания>

Вызыв<али> Угол<овный> розыск. Нет Ч. К. Телеграм-ма и обед на вокзале.

К Шагалу, в театр на засед<ание>. Театр<альный> комиссар в театре.

На санях с Шаг<алом> и <Михаилом> Матюшиным в школу осматр<иваться>— там с прек<расной> компанией и Над<еждой> И<вановной> Любавиной.

<...> Додя с папой.²

¹ LNB. Арх. 1. Nr. 2273, l. 9–10.

² Приехав поздней осенью 1918 года с отцом в Витебск, Всеволод остался с Валерианом Петровичем Добужинским (1842–1920), который эвакуировался туда из захваченного германской армией Вильно. Во второй половине января 1919 года художник писал жене: «Я думаю так сделать: Додю отправлю к тебе во вторник или в среду вместе с Любавиной, которая едет <в Петроград. — А. У.> на 2–3 дня, а она привезет сюда Стиву. Если я вскоре по приезде уеду, то он может остаться с дедушкой, уже переселившись вместе в училище (пока мы с Додей вдвоем живем в училище, т. к. соседняя комната с ванной, мне принадлежащая, занята больной старушкой, матерью <Александра> Ромма, моего бывшего ученика и секретаря училища, а она на днях уже уедет). Додя уже достаточно откормился и набрался сил и не хочет быть эгоистом — пора к Стиве. А я, вероятно, всю неделю должен буду пробыть и до начала следующей, т. к. дел масса, и только во вторник у меня открываются занятия в мастерской, а то все заседания по организации коллегии и училища. Я буду получать как директор 1100 р<ублей> и как член коллегии и заведующий секцией 500, т. е. 1600 всего» (*Добужинский М. В.* Письма. С. 150–151, неточности исправлены по автографу: LNB. Арх. 1. Nr. 2587, l. 7–7о.). Народное художественное училище было учреждено в Витебске в конце 1918 года, и 19 декабря — по предложению Шагала — директором был назначен Добужинский. См. об этом: *Harshav B.* Marc Chagall and His Times. P. 260–266. Во второй половине января там были открыты учебные мастерские Добужинского, Шагала, Любавиной и других художников. «Завтра торжеств<енное> открытие школы, — писал Добужинский жене 27 января 1919 года, — Додя совсем подкрепился. Гауш едет в среду, если я еще останусь на 2–3 дня, то с ним что-нибудь пошлю. Христос с Вами всеми. *Целуем*» (LNB. Арх. 1. Nr. 2588, l. 3). Упоминаемый здесь Александр Гауш (1873–1947) — тот самый художник и меценат, в особняке которого (Английская набережная, д. 74) 15 февраля 1916 года состоялась премьера дивертисмента «Силы любви и волшебства».

5 февраля Добужинский дал последний «урок в мастерской и передал ее Ромму», который тоже когда-то учился у него и Льва Бакста в Художественной школе Званцевой. Неделю спустя он приехал в Петроград и снова вернулся к делам, связанным с постановкой „Андерсена“. В дневниковых записях упоминается его давний знакомый Зиновий Гржебин, который стал издателем «Свинопаса» — сказка Андерсена была оформлена Добужинским еще в 1917 году, но увидела свет только пять лет спустя в Берлине.¹ Как показывают сохранившиеся эскизы к постановке в *Привале комедиантов*, иллюстрации к гржебинскому «Свинопасу» послужили для Добужинского «пробой кисти» и позволили определиться с подходом к сценической интерпретации «Сказок Андерсена».

«В *Привале* нет репетиции <...>, — отметил Добужинский 18 февраля 1919 года. — Пришел Верейск<ий>, но я устал, и он не рисовал. Засел за обложку и до 2^x <часов ночи> работал над обложкой для Гржебина».

Вторая запись была сделана на следующий день:

Втор<ник> 19 <...> Гржебин купил у меня «Пленных в пути» (8 000) и 4 вещи из «Села Степанчикова» за (8 000) и — за вычетом полученных 3000 — дает 13.000.²

Приехали из Витебска *Сахновский* и *Медведев*. Обещал им устроить гастроли *Привала*³ <...>.

¹ См.: Устинов А. «Свинопас» Добужинского и книгоиздание русского Берлина // Детские чтения. 2019. Вып. 16. № 2. С. 296–319.

² Имеются в виду гуашь военного времени «Партия пленных в пути под Хыровом» и эскизы Добужинского к постановке инсценировки В. И. Немировича-Данченко «Село Степанчиково» по повести Ф. М. Достоевского в МХТ (преьера 26 сентября 1917 года). Нынешнее местонахождение работ Добужинского из собрания З. И. Гржебина неизвестно. См.: Чугунов Г. И. М. В. Добужинский. С. 251, 269.

³ См. в письме Добужинского к Станиславскому от 20 февраля 1919 года: «Я Вам писал на днях, и к моей просьбе присоединяются приехавшие из Витебска П. Н. Медведев и М. П. Сахновский. Пожалуйста, отнеситесь с вниманием к их просьбе, может быть, действительно можно было бы надеяться, что Вы хотя бы на время можете расстаться с кем-либо из молодежи студии. Дело такое нужное и интересное. В Витебске образовывается настоящий культурный центр, и мне очень симпатичны тамошние люди, и так хочется, чтобы и Вы отнеслись с сочувствием к нашим общим планам» (*Добужинский М. В. Письма*. С. 151–152).

В *Привале* опять не состоялась репетиция. Сидел у Прониных. Опять предлагают декорации для 2 акта «Ужина». <Пронин> хочет ехать в Витебск. <...>¹

Вероятно, Пронин собирался повторить январское представление «Ужина» Кузмина, предоставив тем самым Романову возможность поставить эту пантомиму как отдельный спектакль с новой сценографией Добужинского. Однако более значимым для художника было завершение подготовки к премьере «Сказок Андерсена». В его отсутствие репетиции вел Константин Тверской, а Вера Лишневская занималась пошивкой костюмов по подготовленным им эскизам, однако работа продвигалась как-то вяло, поэтому Добужинский взялся за совершенствование костюмов и изготовление декораций, проводя каждый день часть времени в *Привале комедиантов*.

Вернувшись из Витебска, он попал на устроенный Прониным «XXXIX Вечер Поэтов», который оказался последним на сцене «театра подземных классиков».² Еще не знавший о скором прекращении *привальной* сценической деятельности, но что-то предполагавший Кузмин писал не без грусти в своем отчете:

После долгого перерыва в «Привале комедиантов» возобновились вечера поэтов. Я не знаю, возобновились ли они для регулярного, как прежде, существования, или это был единственный четверг. На этот раз нельзя ни в чем, пожалуй, упрекнуть организаторов вечера, особенно если приписать несчастной случайности, что из двадцати участников присутств<овали> только двенадцать, причем не было ни Ахматовой, ни Гумилева, ни Есенина, ни Клюева. Прочли стихи: А. Блок, Б. Евгенийев, Г. Иванов, Кузмин, Курдюмов, Ляндау, <Н.> Оцуп, А. Радлова и В. Рождественский. <...> Приблизительно все по-старому, и поэты все прежние и читали стихи, кажется, старые и опять было впечатление призрачности и чего-то бездушного. Я не знаю, кто в этом виноват. <...>

¹ LNB. Арх. 1. Nr. 2274, л. 6–6о.

² «Прочтут свои стихи: Анна Ахматова, Г. Адамович, Александр Блок, Н. Гумилев, С. Есенин, Георгий Иванов, М. Кузмин, Николай Клюев, В. Курдюмов, А. Луначарский, Мария Лёвберг, К. Ляндау, М. Лозинский, Анна Радлова, Маргарита Тумповская и Н. Чернявский. Артистки: О. Глебова-Судейкина, Л. Басаргина-Блок и В. Щеголева — прочтут стихи: Ф. Сокологуба, Андрея Белого, Валерия Брюсова, Вячеслава Иванова» (Жизнь Искусства. 1919. № 82. 20 февраля. С. 2).

Я не знаю, чего не хватало вечеру; как видно из списка участвующих, трудно было выбрать другой состав поэтов; поэты, очевидно, не могли читать других стихов, кроме тех, что читали; желающих слушать было очень много, и все-таки легкое веяние скуки было на всем.

Впрочем, и поэзия, и поэты — вещь капризная <...>, и поэтический вечер может просто удалться или не удалться, независимо от внешних причин.

Мне кажется, больше удалась неофициальная, для избранной публики, часть вечера, когда А. В. Луначарский читал свою новую пьесу «Маги»...¹

Упоминание Луначарского отнюдь не случайно² — с его отъездом в Москву Пронин лишался не столько «фармацевта», сколько преданного «патрона», а *Привал комедиантов* терял поддержку не столько драматурга, сколько высокопоставленного эмиссара искусств. Впоследствии Добужинский клеит в дневник 1919 года уже упоминавшийся документ эпохи: «*Мой Гороскоп!* Составлен А. В. Луначарским по линиям моих рук в ночь на 4 марта 1919 г. в „Привале Комедиантов“». ³

Другим показателем увядания антрепризы Пронина стало обеднение труппы «театра подземных классиков», которое

¹ Кузмин М. Вечер поэтов // Жизнь Искусства. 1919. 5 марта. № 91. С. 1.

² Ср. иную по тональности запись Кузмина об этом вечере 7 (20) февраля 1919 года в дневнике: «Читали мрачно довольно. Потом вылез Маяковский, и все поэты попрятались в щели. Наверху Луначарский читал пьесу. Вздор, конечно» (Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина / Предисл. и публ. К. Н. Суворовой // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 163). О выступлении по желанию публики Маяковского и о чтении Луначарским своей «длинной пьесы», как отметил А. Блок, см.: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тищенко Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 149–150.

³ LNB. Арх. 1. Nr. 2274, л. 2–2о. На другой день после «капустника» в *Привале комедиантов* Добужинский снова уехал в Витебск. 15 марта 1919 года он писал жене: «Здесь стоит чудная погода, весна, но грязно. В школе полная растерянность, ибо до сих пор никто не приехал, я ежедневно захожу в классы, председательствую на учительском совете. Все это скучно и надоело. Ужасно соскучился по тебе, милая моя Лизушечка, и по детям, и по Питеру и друзьям. Здесь мы в тепле, и до того сыт, что уже начинаю с равнодушием смотреть на хлеб. Пожрал ужасающее количество постного масла — надоело. Везу конфеты — очень хорошие. Ну пока — всего хорошего — неужели у вас тот же холод, о котором уже мы здесь забыли. Обнимаю крепко и целую. Стива на базаре. Христос с тобой» (LNB. Арх. 1. Nr. 2588, л. 5).

оказалось особенно ощутимо в апреле. Невосполнимой потерей для *Привала комедиантов* оказался уход в труппу театра «Студия» характерного актера и незаменимого, еще со времен «Бродячей собаки», конференсье Константина Гибшмана.¹ Как описывал его в своем «романе с ключом» завсегдатай проницательных подвалов Александр Беленсон, это был «комик и конференсье, который обладал секретом, еще не раскрывши рта, вызывать дружный хохот заранее готовой смеяться публики».² Однако прежде, чем Гибшман оставил «театр подземных классиков», он сыграл в постановке Добужинского и Тверского.

Объявление о спектакле было дано только в день премьеры, зато «Жизнь Искусства» напечатала его дважды — как анонс и в виде полноценной программы:

В субботу, 26 апреля

Сказки Андерсена:

1) Свинопас

Действующие лица:

Принц	Шубин
2 Пажа	Уч<ащиеся> школы Чекрыгиных
Император	Гибшман
Принцесса	Глебова-Судейкина
Придворные дамы	Галина, Анненкова-Гибшман ³
Старый придворный	<Бонди> ⁴

¹ О его выступлениях в «театре подземных классиков» см.: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 144–150.

² *Лугин А.* <Беленсон А.> Джаэдэ или трагические похождения индивидуалиста. М., 1928. С. 113. В этом «романе ни о чем» Гибшман выведен под именем «Костя Шенман» (*Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». С. 251).

³ См. о ней: *Тименчик Р. Д.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Анны Ахматовой // «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики Серебряного века: Сб. науч. работ / Под ред. Л. Г. Кихней и И. В. Ерохиной. М., 2012. С. 302–305.

⁴ См.: *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 150. В газете на месте фамилии исполнителя оставлен пропуск. «К сожалению, — замечал в своем отклике М. Кузмин, — на первом представлении придворного исполнял не Бонди, умевший сделать тип прелестного комизма из нескольких слов своей роли» (*Кузмин М.* Андерсеновский Добужинский // *Жизнь искусства.* 1919. № 123. 19 апр. С. 1).

2) Цветы маленькой Иды

Действующие лица:

Ида	Ия Гибшман
Студент	Гибшман
Советник	Баросов
Цветы	Уч<ащиеся> школы Чекрыгиных

3) Комета

Старик Лаврентьев

Постановка М. В. Добужинского и К. К. Тверского. Танцы сочинены и поставлены Б. Г. Романовым. Декорации и костюмы М. В. Добужинского. Музыка Б. В. Асафьева. Начало в 9 часов вечера.¹

Хотя премьера 26 апреля оказалась единственным представлением «Сказок Андерсена»,² этот последний спектакль на сцене «театра подземных классиков» оказался достойным эпилогом его трехлетней деятельности. Замечательным подтверждением тому послужил отзыв Кузмина, уже своим заглавием «Андерсеновский Добужинский» определивший два основных фактора успеха последней постановки *Привала комедиантов*³.

Редко между двумя художниками может быть такое соответствие. Едва ли можно представить себе другого живописца при имени Андерсен. И если я не ошибаюсь, впервые Добужинский так свежо и полно высказал всю поэзию комнатной жизни, уюта детских, домашней фантазии (без особенной фантастики), трогательности и милого юмора.

¹ Жизнь Искусства. 1919. № 122. 26 апреля. С. 5. Ср. текст анонса: «В субботу 26-го апреля в первый раз: СКАЗКИ АНДЕРСЕНА. СВИНО-ПАС. Цветы маленькой Иды. КОМЕТА. Постановка М. В. Добужинского и К. К. Тверского. Танцы сочинены и поставлены Б. Г. Романовым. Декорации и костюмы М. В. Добужинского. Музыка Б. В. Асафьева. Начало в 9 час. веч.» (С. 3).

² В это время интерес к Андерсену проявил Областной Кино-комитет. Газетная хроника сообщала о планах будущих экранизаций: «В ближайшие дни Кино-Комитетом начинается съемка картины „Жизнь ненужного человека“ по сценарию, написанному по произведению М. Горького того же названия. Следующими постановками явятся „Королевский Брандербей“ А. В. Луначарского и сказка Андерсена „Труженик-Бессеребряник“» (Жизнь Искусства. 1919. № 120. 24 апреля. С. 2).

³ 10 октября 1931 года Кузмин записал в дневнике: «Какие-то воспоминания» о 19 годе, о „Привале“, о дежурствах, о Юрочке» (Кузмин М. Дневник 1931 года / Вступ. ст., публ. и прим. С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 177).

Одно время была опасность, как бы этот прекрасный художник, достигший своего мастерства, не застыл, не засох, и вот в самых последних работах его — новая свежесть, известное беспокойство, поиски и большая молодость. Но я думаю, что даже поклонники Добужинского удивятся той сердечности, душевности и прелестному остроумию, которые он проявил в «Сказках Андерсена». Он не только сделал декорации и костюмы, но сам приспособил к сцене три сказки («Цветы маленькой Иды», «Комета» и «Свинопас») и участвовал в режиссерской работе. Ставил пьесы К. К. Тверской опять (или это мне так кажется) с особенной любовью и душевностью. Вообще, это был один из редких вечеров не только «Привала комедиантов», но цельности поэтического впечатления.¹

2. «СТРАНСТВУЮЩИЙ ЭНТУЗИАСТ» В МОСКВЕ

Саше Соболеву, il miglior fabbro

Пронин — это до сих пор еще не состарившийся страстный энтузиаст и мечтатель... В сущности, он ровно ничего не создал, как художник, но он долгое время был центром всей художественной жизни Москвы и Петербурга. Он сумел сгруппировать вокруг себя все, что только было в те годы значительного и интересного...

Александр Мгебров

...нужно быть одновременно странствующим энтузиастом, искателем жемчуга, буквоедом и крохобором, и — что весьма и весьма существенно — испытанным читателем...

Роман Тименчик

Борис Пронин предполагал объявить об открытии («после двух лет подготовки»²) своей первой пореволюционной антрепризы — «объединении деятелей искусства всех областей и всех направлений», а точнее, нового кафе-кабаре «Странствующий энтузиаст» — в Кисловской слободе напротив Московской Консерватории в самом начале декабря 1922 года.

¹ Кузмин М. Андерсеновский Добужинский. С. 1.

² Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 164; здесь же заинтересованный читатель или неравнодушный краевед смогут найти почти исчерпывающий свод сведений о «Странствующем энтузиасте» (1922–1923).

Тогдашний неофит в искусстве, а впоследствии поэт и театральный критик Герасим Лугин (наст. фам. Левин; 1900–1941)¹ передавал в воспоминаниях восхищение знакомством с этим «страстным энтузиастом и мечтателем» в июле 1921 года:

Пронин сумел пронести сквозь годы неисчерпаемый запас энтузиазма, непоседливость, смуглую пергаментную кожу и иссиня-черные волосы. Таким он остался и в Москве, носясь с мыслью о создании нового объединения богемы. Объединение это будет называться «Странствующий Энтузиаст». Пронин обитал в небольшой комнатенке, в прошлом не то ателье фотографа, не то мастерской художника. Единственное, что врезалось в память — это обилие стекол, — стеклянная стена, стеклянное окно в потолке — и живопись Судейкина. Картин у Пронина больше, чем стульев. Пошли ли стулья в печь, отапливалось ли зимою это ателье мебелью, — или вообще стульев не было, — не знаю. Но Пронина это не смущало, так же как не смущал неожиданный приход гостей, появление новых лиц.²

Перспектив открытия *Странствующего энтузиаста* был напечатан в «еженедельном журнале зрелищных искусств под редакцией С. Фрида» «Театр и Музыка»:

В Москве возникает учреждение, имеющее целью создать объединение деятелей искусства всех областей и всех направлений, под названием: «Странствующий Энтузиаст».

Инициаторы предполагают придать учреждению черты клуба, куда могли бы собираться: писатели, художники, актеры, музыканты.

Опыт такого учреждения в Петербурге, в период 1912–1914 г., под названием «Подвал Бродячей Собаки», показал, насколько необходимо оно для художников всех отраслей. «Бродячая Собака» пользовалась громадной популярностью в художественно-артистической среде Петербурга и Москвы.

Во время войны и в первый период революции «Бродячая Собака» возродилась в Петербурге, но уже в другом помещении, под названием «Привала Комедиантов». Стены «Привала» были расписаны художниками: <С.> Судейкиным, А. Яковлевым и Борисом Григорьевым. Вечера в нем

¹ Турчинский Л. М. Русская поэзия XX века: Материалы для библиографии / Под ред. А. Л. Соболева. М., 2013. С. 94.

² Лугин Г. 28°14'30" восточной долготы. Рига, 1933. С. 31–32; цит. по: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». С. 245

происходили в порядке более систематичном и преимущественно носили характер театральных представлений.

«Странствующий Энтузиаст» во многом должен повторить Петербургский подвал, тем более, что его инициаторы — Б. К. Пронин и Вл. А. Подгорный — были учредителями и «Бродячей Собаки».

Отдельные вечера будут посвящены великим художникам слова, театра, музыки и живописи, как ныне здравствующим, так и тем, память которых чтит весь художественный мир.

Предполагаются вечера поэтов, вечера специально музыкальные, вечера, отражающие собой то или иное событие, имеющее художественное значение и т. д.

Подвал «Странствующего Энтузиаста» отделяется по проекту и указаниям академика В. А. Щуко и художника Лансере.

Нельзя точно определить день открытия «Странствующего Энтузиаста», так как не закончен еще ремонт подвала, помещающегося по Среднему Кисловскому переулку, в доме № 3. Ремонтные работы продолжаются уже свыше года.

Посещение клуба может происходить лишь по строгой рекомендации членов «Странствующего Энтузиаста» и по приглашениям управляющих им органов.

С посетителей, не принадлежащих к художественному миру, будет взиматься высокая плата и они будут допускаться лишь в незначительном количестве и непременно при условии рекомендации.¹

Впрочем, о работах по подготовке нового «подвала» можно было узнать еще весной 1922 года, например, из рассказа художника-сценографа и архитектора Владимира Щуко (1878–1939) обозревателю рижской просоветской газеты «Новый путь»:

На углу Екатерининского канала А. В. Щуко прервал свой прежний рассказ и перешел к другим своим работам.

— Здесь я лет 7–8 тому назад часто заворачивал на Михайловскую площадь, где помещалась, как помните «Бродячая собака». И представьте себе, снова воскресает этот знаменитый подвал. Борис Пронин снова создает такой «подвал», но на этот раз не в Питере, а в Москве.

¹ *Богемец*. «Странствующий Энтузиаст» // Театр и музыка (Москва). 1922. № 10. 5 дек. С. 165.

Неутомимый Пронин разыскал на Средней Кисловке замечательное помещение, где он открывает подвал под названием «Странствующий энтузиаст». Бывшие какие-то склады как раз подходят для этой затеи. Своды напоминают какой-то средневековый храм. Вот тут будет устроена сцена, разрисованы стены, расставлена соответствующая мебель и т. д. Вся художественная отделка поручена мне. Я уже ездил в Москву, чтобы на месте познакомиться с планом будущего «Энтузиаста».¹

Отличительной чертой этих корреспонденций было неминуемое указание на то, что прототипом *Странствующего энтузиаста* — минуя непосредственно предшествующую ему антрепризу Пронина «Привал комедиантов», — следовало считать «Подвал Бродячей собаки». Такая реакция современников заставляет сделать вывод, что от формы «театра подземных классиков», как иногда называли «Привал», этот по-настоящему уникальный импресарио почти десятилетие спустя вернулся к более удачной, на его взгляд, форме «кабачка» или кафе-кабаре.² К такому повороту располагали, в том числе, и утраченные за время революции особенности русской довоенной художественной культуры. Кроме того, с тех пор, как «Легучая Мышь» Никиты Балиева «упорхнула» за границу, в Москве образовалась лакуна, которую не могли заполнить ни «Стойло Пегаса», ни подобные тому заведения. Вернуть кабаре в культурную жизнь новой советской столицы мог только Пронин. Он создавал *Странствующий энтузиаст* тогда же, когда Сергей Горный (он же Александр Оцуп) написал свое стихотворение о кабаре как основополагающем условии русской художественной культуры в эмиграции:

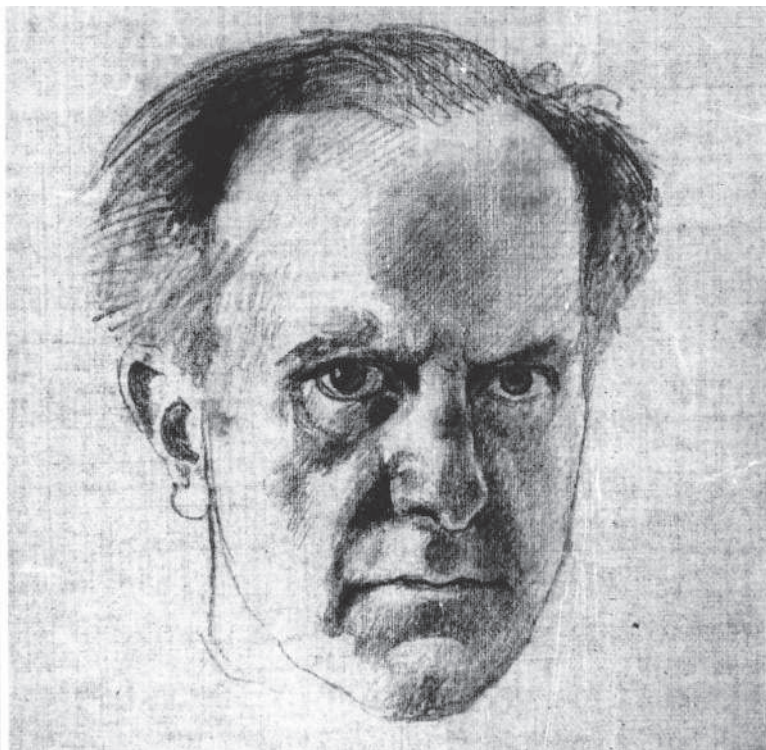
¹ Светляков Я. А. В. Щуко (От нашего петроградского корреспондента) // Новый путь (Рига). 1922. № 341. 23 марта. С. 3.

² Ср. разъяснения самого Пронина о том, чем «Привал комедиантов» отличался от «Бродячей собаки»: «Его вдохновитель и создатель Борис Пронин указывал также на несколько иную художественную установку своего очередного начинания: „Это был уже не кабачок, а скорее подземный театр, где были регулярные постановки и программы. „Собака“ же базировалась на экспериментах. В „Привале“ выступали Мейерхольд, Щуко, Добужинский, Бенуа — сливки художников» (Конечный А. М., *Мордереper В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов». С. 97).

Театр со столиками.

(Нечто современное).

В Праге-ли, в Париже-ли
Мы повсюду выжили:
И в любой дыре
Ставим кабаре.
В Пере-ли, в Софии-ли
Скучные, смешные-ли
Слышны до зари
Песни „*Chauve Souris*“
В Турции, в Белграде-ли
Только жизнь наладили
Встал во всей красе
Стиль конферансье.
Пред столицей чешскою
С пестрой занавескою
В рамке Пикассо
Ставится *morseau*.
В погребе, в подвале-ли
Лишь туда причалили,
Наискось иль в бок
Вешают лубок.
К Риму-ли, Берлину-ли
Только лишь прихлынули,
В Тибре иль на Шпре
Сразу кабаре.
Перед сценой — столики.
Сербы иль католики
Лондон иль Рим
Все такой же грим.
Словно рать Батыева,
По стопам Балиева
На любой подвал
Набегает вал.
Джиммины наследники
(Сам скончался бедненький!)
Кто-то нам сказал
Открывают зал.
В Перу, Уругвае-ли
В одиночку, стайе-ли
Всюду, хоть помри
Ставят „*Chauve Souris*“.
Conference под Лейкина,
Задний фон Судейкина,
И затем у всех
Бешеный успех
В Африке, Таити-ли
Все туземцы-жители

М. Добужинский. Автопортрет с инскриптом сыну Ростиславу. 1924

Даже Маори
Ходят в „*Chauve Souris*“.
В Азии, в Пирее-ли,
Русские, еврей-ли
Словно на оброк
Ходят на лубок!
В небе, в преисподней-ли
Их куда-б не подняли,
И на страшный суд
Столики внесут...¹

Неслучайно поэтому Пронин обратился к тем, на кого мог положиться, — к Щуко, архитектору «Подвала Бродячей собаки», и к его коллеге по Большому драматическому те-

¹ Веретеныш (Берлин). 1922. № 2 (октябрь). С. 15.

атру в Петрограде и автору созданной в сентябре 1912 года «собачьей» марки¹ Мстиславу Добужинскому — последовательному и надежному. Уместно вспомнить его послание к художнику на бланке «Подвала Бродячей Собаки», отправленное 23 января так весело начинавшегося 1914 года:

Дорогой Мстислав Валерианович!

В воскресенье 26ого января в «Собаке» соберется большая, но очень интимная Ассамблея. «Вечер Лирики» <-> будет много актеров, актрис, поэтов, музыкантов!

Очень ждем Вас и Елизавету Иосифовну. Зовите Ваших друзей! Очень хотим Вас видеть.

Привет!

Хозяйка «Собаки» *Н. Григорович*

Hund-Director

*Борис Пронин*²

Осенью 1922 года Пронин пишет Добужинскому и, разумеется, зачаровывает его своим энтузиазмом по созданию нового московского кафе-кабаре, первоначально названного «Таверна»:

Москва, 14ое сент<ября>

Дорогой Мстислав Валерианович!

Умоляю повидайся с Вл<адимиром> Ал<ексеевичем> Щуко и Н<иколаем> Евг<е>ньевичем Лансере и поговори с ними *об входе в Таверну*, — как его украсить? и проч.

Скажи им, что они должны быть членами ордена «Стр<анствующего> Энт<узиаста>».

Умоляю думать о спектакле, как мы говорили с Пав<лом> Муратовым — о двух спектаклях, первом малом и в будущем большом — думай об этом и думай об

¹ См.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». С. 249; см. ее изображение на повестках «Бродячей собаки» (с. 168, 176 и др.).

² *LNB*. Арг. 2. №. 811, 1. 3–30. Письмо Пронина цитируется в комментариях к повестке «Бродячей собаки» о «Вечере Лирики», см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». С. 224. Как сообщалось в отчете, напечатанном в газете «День», «Г-жа Ведринская читала стихи Бальмонта с большим чувством. Тэффи декламировала свои стихи. Кроме того, в этом празднике лирики приняли участие поэты: Руквишников, Блок, Гумилев <...>. Большое письмо с пожеланием успеха „Собаке“ и всему бродячему прислал Л. Собинов, очень жалеющий, что не мог приехать на праздник „Собаки“» (Там же. С. 224).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО ИНТИМНОГО ТЕАТРА—СИБ

LTSR Valst.
Republikinė
Biblioteka

23/I-14

Варгаш Мейсиславъ
Вацериановичъ!

Въ воскресенье
26-го января въ
Саданъ соберется
большая чета актеров
интимной ассамблеи
«Вечеръ Мики».
Будет много актеров.

актрисы, поэтессы,
музыканты!
Очень идем Вас и
Елизавету Юсифовну
Зовим Вас
друзей! Очень хо-
тели Вас видеть
Увидеть!
Корреспондентом
Финд-директор
Гармашев

Андерсене. Повидайся со Щуко и проси скорее гнать по почте эскизы и рисунки:

- 1) Вход
- 2) Вестибюль
- 3) и проч.
- 4) Таверна

Привет тебе. Всего лучшего. Привет всем.

Поговори с М<ихаилом> А<алексеевичем> Кузминым об Гофмане.

Борис

Р. S. М<ожет> б<ыть> Лансере или Щуко могли бы приехать в Москву, билеты и пансион оплатим.¹

Под четвертым пунктом в этом списке дел подразумевается, конечно, эмблема для «Таверны», ее отличительный знак. Вероятно, не получив эскиза кабаретной «марки» ни от Щуко, ни от Лансере (или не будучи доволен их эскизами), Пронин решил дать своему кафе то же название, что и «ордену», и обратился к испытанному и проверенному Добужинскому как к последней надежде. Исключительно спешностью и сжатыми сроками можно объяснить его минималистское художественное решение — использовать в качестве эмблемы *Странствующего энтузиаста* марку одноименного издательства Тамары Персиц, созданную Добужинским в 1918 году и выпустившем в его оформлении «не по времени красиво изданную книжку»² Михаила Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро».³

«Маленькая книжка, в изящной обложке и с книжными украшениями М. В. Добужинского — необычная и странная гостья в толпе безобразных, на серо-грязной, шершавой бумаге напечатанных книг последнего времени, по обложкам которых разбежались красные буквы, слагаясь в узоры слов, всегда серьезных, часто жестоких и угрожающих! Точно ма-

¹ LNB. Арг. 2. № 811, л. 1-2о.

² Аксенов И. Михаил Кузмин. Новый Плутарх. I. Петербург. 1919 // Художественное слово. Временник Н. К. П. (Москва). 1920. № 1. С. 58.

³ Об истории создания этого первого из жизнеописаний в задуманной Кузминым серии см.: Кузмин М. Избранные произведения / Сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика. Л., 1990. С. 558–559.

М. Добужинский. Марка издательства «Странствующий Энтузиаст». 1918

ленькая фарфоровая коробочка во вкусе галантного века — на куче солдатских рубах и сапог в запыленном и грязном сарае»,¹ — восклицал критик Александр Белецкий в своем отзыве.

¹ П-ский Р. <Белецкий А.> М. Кузмин. Новый Плутарх. 1. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро, в трех книгах. Петроград 1919. Изд. «Странствующий Энтузиаст». Стр. 235. Ц. 25 р. // Творчество. Журнал Художественного цеха под редакцией И. Рабиновича (Харьков). 1919. № V-VI. Июнь-июль. С. 37.

Ему вторил в своем «Письме из Петрограда» литератор Виктор Ирецкий:

Среди новых книг, в большинстве очень безвкусных по внешности, неожиданно обрадовала взор изящная книжечка М. Кузмина, посвященная чудесной жизни «Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», украшенная рисунками М. Добужинского. Она начинается собою серию биографий, которые в будущем должны составить «Нового Плутарха».

Идея эта занятная и вместе с тем благодарная. Пересмотреть заново психологические портреты «героев и героинь», уже давно испошленных штампованными «жизнеописаниями», которые были составлены в ту пору, когда в рассказе на первый план выдвигались события и факты, — удачно задумано и сулит увлекательным чтением. К тому же автор так предвкусительно, так заманчиво предупреждает, что в подробностях описываемых им событий он предоставляет своему воображению полную свободу.¹

Ход работы над изданием «Калиостро» Кузмин регистрировал в своем дневнике. «Звонила Т. М. Персиц по делу, думал, денег даст, помчался, но, оказывается, относительно издательства, — констатировал он 18 мая 1918 года. — Мила очень».² Как можно судить на основании этих дневниковых записей, процесс подготовки «Калиостро» вел именно Добужинский, что вызывало у Кузмина некоторое раздражение. «Добужинский на мне камнем», — записал он 4 июня 1918 года. И еще два дня спустя: «Добужинский на мне, как камень. Все не выберусь». 11 июня он отметил встречу с издательницей «Странствующего энтузиаста»: «Из дома заезжал к Там<аре> Мих<айловне>. Добужинский согласен. Она впопыхах. Едет к <Петрову->Водкину (?), к Гржебину, бумага есть. Предлагала ехать вместе. Говорила, по-моему, с Альтманом, что она занята».

Месяц спустя Добужинский закончил иллюстрации и виньетки к «Калиостро» и заслужил одобрение Кузмина. «Утром Добужинский показывал картиночки, — восторгался

¹ Ирецкий В. Я. О литературных новостях. (Письмо из Петербурга) // Мысль. Двухнедельный научный марксистский журнал (Харьков). 1919. № 14. Июнь. С. 642.

² Дневник М. Кузмина готовился к печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шухихиным и цитируется здесь по любезно предоставленным ими файлам.

он 15 июля. — Хороши!» Книга вскоре была готова к печати на паритетных началах и в дружественной обстановке, что подтверждает запись 25 июля: «Пришли и Там<ара> Мих<айловна>, и Мухин, и Добужинский. Очень бодро. Хорошо обедали. <...> Посидели и вместе были опять на Чаплине». 23 августа Кузмин делает запись в ожидании выхода «Калиостро» в «Странствующем энтузиасте»: «Читал Торо. Как-то выйдет с книгой? Не рано ли? Потом обошлось».

«Дела, дела, — записывает Кузмин 28 (15) декабря 1918 года, подводя итоги. — Жду книг и спектаклей своих. Тепло. Снег навалил. Где же англичане? Дома опять бравились из-за котлет и недогретого плохого супа». Книга, наконец, вышла весной 1919 года. «Скоро выйдет „Калиостро“», — записал Кузмин 29 марта, а 9 апреля уже получил первые экземпляры: «Тяпа принесла „Калиостро“».

М. Добужинский. Иллюстрация к «Калиостро» с шаржем на М. Кузмина. 1918.

Получив от Добужинского эскиз эмблемы для своей новой антрепризы, Пронин писал Добужинскому на самом исходе 1922 года:

— «Да здравствует Орден!»

Дорогой

Мстислав Валерианович!

Целую обнимаю поздравляю с Н<овым> Г<одом>
и рождением «С<транствующего> Э<нтузиаста>»

Спасибо за все

Плакат вышел изумительно Завтра пошлю тебе

Борис¹

Меньше чем через неделю Добужинский получил официально отпечатанное приглашение на открытие московского кафе-кабаре Пронина и «Первый экспромт „Энтузиаста“».²

О посетителях *Странствующего энтузиаста* рассказывал «со слов артиста и писателя Бориса Глубоковского»³ Борис Ширяев: «В этом подвале на Кисловке после двух часов ночи можно было видеть многих известных артистов и литераторов, там шумел Есенин, всегда сопутствуемый более чем сомнительной компанией, порою маячила одутловатая маска только что вернувшегося из эмиграции и еще нацупывавшего почву А. Н. Толстого.⁴ Забрёдал туда и Луначарский в окружении своих „цыпочек“ с Н. И. Сац в роли дуэньи. Артисты мешались с коммунистами и нэпачами, <...> приехавший из Парижа поэт Борис Парнок <Валентин Парнах на самом деле вернулся в Москву из Берлина. —

¹ LNB. Арх. 2. Нг. 811, л. 4. Как следует из письма Добужинского к его жене Елизавете Осиповне (см. ниже), Пронин заказал печать «плаката», то есть афиши *Странствующего энтузиаста* только в марте 1923 года.

² Там же. л. 5.

³ *Тименчик Р. Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2008. С. 214.

⁴ Ср. в воспоминаниях Сергея Образцова о «московском периоде» Пронина: «Он любил людей искусства и постоянно стремился объединить актеров разных театров, художников, писателей вокруг какой-нибудь веселой и всегда творческой затеи. Пронин был влюблен искренно и бескорыстно в своих друзей: в Москвина, Алексея Толстого, Качалова, в каких-то поэтов, скульпторов или гитаристов. Он постоянно кого-то „открывал“ и спешил показать свое открытие друзьям» (*Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». С. 164).

М. В. Добужинскому

**Первый экспромт
„ЭНТУЗИАСТА“**

**Приглашаются члены Ордена и «друзья» встретить
первую ночь 1923-го года.
Странствующий Энтузиаст.**

Торжественно

**Гостям предлагается обезопаситься предварительной
записью через членов Ордена «С. Э.»**

Телефоны: 2-61-11 и 63-12. Улица Луны, 3 (Средний Кисловский, 3).

Анонс открытия «Странствующего Энтузиаста». Канун 1923 года.

А. У.> танцевал тогдашнюю новинку монмартрских кабачков — фокстрот и формировал в театре Мейерхольда первый в Москве джаз».¹

«Бываю только в „Энтузиасте“, — писал 20 июня 1923 года художник Александр Осмёркин своей жене Екатерине Барковой (1897–1991), — где встречаю знакомых».² Больше чем через десять лет он снова вспоминал кабаре Пронина: «Если встречаешься с Глубоковским, что весьма вероятно (?), напomini умело о „Пространстве Эвклида“ <повесть Кузьмы Петрова-Водкина. — А. У.> <...>. Не знаю, писал ли тебе я, <...> что мне от Академии вручена почетная грамота с моим офортным портретом, где я назван „энтузиастом“. Мне особенно смешно, что „энтузиаст“ тесно связан с эпохой Пронина Бориса, и так назывались собутыльники».³

Связь *Странствующего энтузиаста* с «Бродячей собакой» была совершенно неотделима от репутации Пронина. Настолько, что в ретроспективной статье Р. Д. Тименчик, разбирая свидетельства современников, писал, что «московские начинания Пронина» безусловно «наследовали прозвание своей питерской прародительницы, отсюда и нередкие мемуарные анахронизмы и анатопизмы».⁴ Как, например, в довольно несообразных воспоминаниях прозаика Владимира Лидина:

В подвале одного из домов по Нижне-Кисловскому переулку, подвале в свое время винном, а ныне служащем складом Москниготорга, — в ту пору, которая носит название «нэп», помещалось некое странное учреждение. Именовалось оно «Подвал друзей театра», а его директором и идейным вдохновителем был человек неистовой фантазии и неукротимого деятельного темперамента, артист и театральный работник Борис Пронин. Ныне это имя забыто. Но была пора, когда Борис Пронин слеплял, так сказать, литературно-артистические гнезда, и слеплял с хорошим воображением, шумно и несомненно талантливо.

В «Подвале друзей театра», членский билет которого у меня сохранился, после 11 часов вечера, когда кончались

¹ Шпиряев Б. Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954. С. 75.

² Осмёркин: Размышления об искусстве. Письма. Критика. Воспоминания современников. М., 1981. С. 77.

³ Там же. С. 90.

⁴ Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. С. 211.

спектакли, было непроглядно от табачного дыма, длинные доски на пустых бочонках, оставшихся от винного прошлого подвала, служили сиденьями, и наряду с известными деятелями литературно-театрального мира появлялись расслабленные снобы нэповской поры, непризнанные балерины бесчисленного количества московских балетных студий, возглавлявшихся студией Нелидовой-Собещанской, и наркоманы провинциальной формации, с присыпанными порошком кокаина лацканами купленных по случаю смокингов. Один из московских цветоводов-любителей специально поставлял в подвал хризантемы, которые украшали петлицы пиджаков или смокингов золотушных юношей.

Борис Пронин был изобретателем и особенно развил эту изобретательность в прославленном петроградском подвале «Бродячая собака», о котором сохранилось немало литературных воспоминаний. <...>

Проходя иногда по Нижне-Кисловскому переулку и глядя на очередной грузовик, с которого сгружают в подвал книги, я вспоминаю шумный и бестолковый подвал, облюбованный Борисом Прониным для единения муз... только музы оказались не те, и способ их объединения был устаревший: времена «Бродячей собаки» давно миновали.

Но памятка об одном из вечеров в ней, памятка почетительная, с обложкой и заставками, выполненными несомненно лучшими художниками-графиками той поры, — памятка эта лишний раз подтверждает истину, что ничто напечатанное не исчезает, а нередко как бы наводит фокус на многое, уже стертное временем. Извлеченное из глубины, оно неизменно поднимает вместе с собой и то, что окружало его, и совокупность этих разорванных линий и создает картины литературной жизни той или иной поры.¹

Именно *Странствующий энтузиаст*, как отметил Тименчик, а никакое иное московское кафе-кабаре, стал главным прототипом «Зеленого рога» в романе Рюрика Ивнева «Открытый дом» (1927):

Люстра была задрапирована зеленым газом, причем сделано это было так искусно, что самой люстры не было видно. Сбоку, на стене, у потолка, была прикреплена картонная луна, и таким образом получалось впечатление, будто зеленый лунный свет исходил от нее. Благодаря

¹ *Лидин В. Г.* Друзья мои — книги: Заметки книголюба. М., 1966. С. 194–195, 197.

этому свету все здесь было как-то необычно — и столики, уставленные винами и фруктами, и цветы, и лица людей, вяло улыбавшихся друг другу. <...> В углу, как бы всеми отверженный, стоял столик, нагруженный тоненькими книжками, за которым сидела анемичная барышня, умудрявшаяся путаться в счетах даже тогда, когда покупатель давал деньги без сдачи. <...>

Это и был знаменитый «Зеленый Рог», в который после театров и вечеров съезжалась неугомонная богема.¹

К этим свидетельствам современников теперь можно присоединить дневниковую запись Льва Горнунга, терпеливого хроникера московской художественной жизни 1920-х годов, который упомянул, как после встречи нового 1924 года в гостях у его подруги Татьяны Доброхотовой, Борис Горнунг вместе с поэтом Сергеем Подушкиным (он же «С. Иренев») отправились на Среднюю Кисловку в кафе-кабаре Пронина:

31.12.1923

Вечером поехали с Борисом к Тане. Там застали Сергея. Достали мадеры и конфет и этим встретили Новый год. Затем Борис и Сергей ушли искать «Энтузиаста», а я просидел, за разговорами незаметно, с Таней до 4-х.

Когда возвращался, на улице было много гуляющих.²

Добужинскому также удалось побывать в *Странствующем энтузиасте*, когда он вынужден был приехать в Москву весной 1923 года³ по делам, связанным с оптацией литовского гражданства.⁴ В середине марта он писал жене

¹ *Тименчик Р. Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. С. 211–212.

² *Горнунг Л. В.* «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Сост. Т. Ф. Нешумова. М., 2019. С. 69.

³ См. его дневник «Москва 1. III – 7. IV 1923» (*LNB*. Арх. 1. №. 2292).

⁴ По следам этого визита Добужинский писал уже из Петрограда поэту Юргису Балтрушайтису, в то время представителю литовской дипломатической миссии в Москве: «Я возвращаю Вам все мои бумаги об оптации, <?> так мне посоветовали в Консульстве. Если у Вас будет совершенно <опре>деленное отношение к <моему ходатайст?>ву, то если Вы его <сами? при>шлете сюда (если <здесь? по>надобится), то в Консуль<ств>е к нему отнесутся иначе. Без Вашего письма [или] я вижу, что отношение остается таким же индифферентным. За все это время я ничего не мог выяснить и совершенно н<ичего?> уже не поним<аю>» (*LNB*. Арх. 1. №. 2380, 1. К сожалению, это письмо Добужинского сохранилось очень плохо; все предполагаемые конъектуры сделаны мной — А. У.).

в Петроград: «...был <...> и, наконец, у Пронина. Сегодня кутеж в подвале: чествование моей марки и заказ плаката. У этого Энтузиаста чертовские фантазии и планы очень разительны».¹

Памятью об этом московском визите Добужинского остался экспромт, сочиненный и посланный художнику искусствоведом и театралом Михаилом Бабенчиковым:

Увы, уехал Добужинский,
Москва мне стала, словно ад,
Не мил мне даже Девятинский
И рвусь назад...²

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галанина Ю. Е.* Юрий Ракин в России (1905–1917) // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Т. 10. С. 55–123.
2. *Галанина Ю. Е.* К истории петербургского «Дома интермедий» (по неизданной переписке А. А. Голубева и Е. М. Мунт) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Е. Багно, Дж. Малмстад, М. Э. Маликова. М., 2009. С. 94–119.
3. История одной полемики: Переписка Юлии Сазоновой с Николаем и Анной Евреиновыми 1937–1954 / Публ., вступ. текст и прим. К. Триббла // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. [Вып. 3]. С. 311–330.
4. *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 96–154.
5. *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 160–257.
6. *Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Анны Ахматовой // «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая

¹ LNB. Арг. 1. № 2595, л. 11.

² LNB. Арг. 2. № 25, л. 2о. Бабенчиков переехал в Москву из Ярославля и проживал по адресу: Девятинский переулок, д. 2–107, кв. 3.

- парадигма поэтики Серебряного века: Сб. научн. работ / Под ред. Л. Г. Кихней и И. В. Ерохиной. М., 2012. С. 289–330.
7. *Тименчик Р. Д.* Добужинский в Риге // Даугава. 1988. № 8. С. 114–121.
 8. *Тименчик Р. Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2008.
 9. *Устинов А.* «Свинопас» Добужинского и книгоиздание русского Берлина // Детские чтения. 2019. Вып. 16. № 2. С. 296–319.
 10. *Устинов А.* Мстислав Добужинский и его кабаретные компаньоны: Парижский сезон «Летучей Мыши» 1926 года // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2 (в печати).
 11. *Чугунов Г. И. М. В.* Добужинский: Монография. Л., 1984.
 12. *Harshav B.* Marc Chagall and His Times: A Documentary Narrative. Stanford, 2004.

REFERENCES

1. *Chugunov G. M. V.* Dobuzhinskij: Monografija. L., 1984. (In Russ.)
2. *Galanina Ju.* Jurij Rakitin v Rossii (1905–1917) // Litsa: Biograficheskij al'manakh. SPb., 2004. Vol. 10. P. 55–123. (In Russ.)
3. *Galanina Ju.* K istorii peterburgskogo «Doma intermedij» (po neizdannoju perepiske A. A. Golubeva i E. M. Munt) // Na rubezhe dvukh stoletij: Sb. v chest' 60-letija Aleksandra Vasil'evicha Lavrova / Sost. Vs. Bagno, Dzh. Malmstad, M. Malikova. M., 2009. P. 94–119. (In Russ.)
4. *Harshav B.* Marc Chagall and His Times: A Documentary Narrative. Stanford, 2004.
5. *Konechnyj A., Morderer V., Parnis A., Timenchik R.* Artisticheskoe kabare «Prival komediantov» // Pamjatniki kul'tury: Novye otkrytija. Ezhegodnik: Na 1988 god. M., 1989. P. 96–154. (In Russ.)
6. *Parnis A., Timenchik R.* Programmy «Brodjachej sobaki» // Pamjatniki kul'tury: Novye otkrytija: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologija. Ezhegodnik: Na 1983 god. L., 1985. P. 160–257. (In Russ.)
7. *Sazonova Ju., Evreinov N., Evreinova A.* Istorija odnoj polemiki: Perepiska / Publ., vstup. tekst i prim. K. Tribbla // Mnemozina: Dokumenty i fakty iz istorii otechestvennogo teatra XX veka. M., 2004. Vol. 3]. P. 311–330. (In Russ.)
8. *Timenchik R.* Chto vdruk: Stat'i o russkoj literature proshlogo veka. M.; Ierusalim, 2008. (In Russ.)
9. *Timenchik R.* Iz imennogo ukazatelja k «Zapisnym knizhkam» Anny Akhmatovoj // «...Kak v proshedshem grjadushhee zreet...»: Poluvekovaja paradigma pojetiki Serebrjanogo veka: Sb. nauchn.

- rabot / Pod red. L. Kihnej i I. Erohinoj. M., 2012. P. 289–330. (In Russ.)
10. *Timenchik R.* Dobuzhinskij v Rige // Daugava (Riga). 1988. № 8. P. 114–121. (In Russ.)
 11. *Ustinov A.* «Svinopas» Dobuzhinskogo i knigoizdanie russkogo Berlina // Detskie chtenija. 2019. Vol. 16. № 2. P. 296–319. (In Russ.)
 12. *Ustinov A.* Mstislav Dobuzhinskij i ego kabaretnye kompan'onny: Parizhskij sezon «Letučeij Myshi» 1926 goda // Sjuzhetologija i sjuzhetografija. 2020. № 2 (In print.). (In Russ.)